

ЯРОСЛАВ БАБКИН

Каменистая дорога

ОПТИМИСТИЧНЫЙ СТИМПАНК

Ярослав Анатольевич Бабкин

Каменистая дорога.

Оптимистичный стимпанк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22876545

ISBN 9785448373657

Аннотация

Фантастический мир переживает свою эпоху пара и электричества, эпоху накопления капитала и растраты благородства. Мелкий мошенник Юл, заброшенный обстоятельствами в сельскую глушь, встречает деревенскую девушку, едушую в большой город навстречу своей судьбе. По непонятным причинам девушка вызывает интерес сильных мира сего, втягивающих её в круговорот политических заговоров, придворных интриг и революционных прожектов. Юл решает спасти девушку, но это оказывается не так то просто.

Содержание

Пролог	5
Мы едем в Лонч	11
Долги и займы	39
Одна маленькая, но очень гордая птичка	61
Всё, что блестит	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Каменистая дорога
Оптимистичный стимпанк
Ярослав
Анатольевич Бабкин

© Ярослав Анатольевич Бабкин, 2017

ISBN 978-5-4483-7365-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Основною целию покарания преступника должно являться удостоверение безопасности наших подданных, и возвращение заблудшего на путь добродетельный. Сему более всего соответствует заключение лица провинившегося в крепость или иное стеснительное помещение, равно как и поселение его в местах суровых и отдалённых, дабы не мог он и впредь чинить преступные разбои и воровство, и было бы у него время раскаяться в содеянном, и обратиться к делам праведным и искупительным. Смертною казнию же карать надлежит только тех, чьи дела совершенно противны всему человеческому и надежда на чьё раскаяние невелика, в силу чего содержание их в крепости до скончания их дней было бы делом недостойным человеколюбия нашего и весьма для казны обременительным. А посему все ранее принятые в державе нашей наказания, как-то усекновение членов, бичевание, кнутование, протаскивание, четвертование, ушей и языка урезание, ноздрей вырывание, клеймение железом, порохом или смолой, равно как и прочие, мы сим указом высочайше повелеваем отменить впредь и до скончания времён.

Из преамбулы «Уложения о законах и наказаниях уголовных автократии Бореиской» принятого в год Змеи цикла сто сорок седьмого

Тёмное сырое место. Холодное. И тесное. Шириной камера едва больше полусажени, а длиной от силы полторы. Три каменные стены, дыра в полу, прогнивший соломенный топчан – милая родина и уютный дом многим поколениям членистоногих кровососов. Окно... Если эту амбразуру можно назвать окном. Впрочем, она хотя бы есть. Камера расположена на среднем ярусе, и зарешечённая дыра выходит в облицованный камнем водосточный ров. Если подойти совсем близко, то в самом верху можно будет разглядеть узенькую полоску неба. А существует ещё и нижний ярус. И, как говорят, даже подвальный. Откуда иногда доносятся едва слышные отголоски криков. Хотя, может и не оттуда. Рыданий и криков здесь везде хватает.

Снаружи какой-то шум. Совсем тихий. Но в одиночке слух обостряется. Четвёртой стены у камеры нет. Там решётка и за ней дверь. Прочная дубовая дверь. И она сейчас открывается. Странно. Баланду приносили совсем недавно...

– Эй. Арестант. Подойди к решётке.

Ходит он теперь редко. Да и куда здесь ходить? От двери до дыры в углу только...

– Ближе. К самой решётке.

Там светло. То есть на самом деле там скорее полумрак – на электричестве здесь экономят, – но после камеры и это кажется ярким светом.

– Повернись. Руки за спину.

Он становится спиной к решётке. На запястья опускаются холод и тяжёлая шершавость металла. Скрежещет замок.

– Теперь отойди.

Пара шагов вглубь камеры. Всего два. А он уже на полпути к окну.

Грохочет открываемая решётка.

– Выходи.

Там воздух. Много воздуха. Пустота проходит сквозь все этажи огромным колодцем. Тюрьма напоминает бочку. Пустую и с толстыми стенами. В которые набиты камеры как ячейки в соты. Двери. Бесконечные ряды дверей. Выжженные на дубовых досках номера и индексы. У арестантов нет имён. У них есть лишь номера камер.

– Шагай.

Под ногами поёт металл. Стальные балки, чугунные решётки, клёпанные ступеньки. Сквозь ажурные конструкции видно все этажи. И вверх, и вниз. Каркасы и решётки заполняют тюрьму как паутина старый дуплистый пенёк.

Они идут вверх. Лестница за лестницей. Площадка за площадкой. Одна раздвижная дверь в решётчатой стене за другой. Зачем им столько дверей? Замки лязгают, безликие фигуры в сером бесшумно скользят, чтобы открыть следующую дверь. У них мягкие башмаки. Арестант не должен слышать, как подходит надзиратель.

Комната. В ней окно. Настоящее окно. Не амбразура, вы-

ходящая на дно вечно сырого рва, а самое настоящее окно. Стекло в деревянном переплёте. За ним море и пёстрое весеннее небо с рваными облаками. Чайки. Вдали щетинится мачтами рейд. И свет. Яркий. Ему приходится щуриться и всё равно изображение мутнеет и расплывается. Он отвык от света.

– А вот и он...

– Надо же, никогда бы не подумал...

– Тише, господа...

– Можете идти, капрал. Когда вы понадобится, мы вас вызовем.

– Так точь, вашбродь! Слушсь.

Их несколько человек. Холёные аристократические лица, благородные седины и воинственные бакенбарды. Золотое шитьё поблескивает на дорогом сукне мундиров, аakraхмаленные воротнички оттеняют переливчатую ткань сюртуков. Глаза уже почти привыкли, и он может рассмотреть их лица. Рассмотреть и запомнить...

– У вас ко мне дело, господа?

Странно опять слышать свой голос. Кажется, он не говорил целую вечность.

– С чего ты взял? – это молодой, вздорного вида, в самом углу.

– А зачем ещё благородным господам может понадобится арестант-смертник? На казнь они могут посмотреть и так...

Губы отвыкли усмехаться и лишь неровно кривятся.

– Заключение не притупило ваш ум. Это хорошо, – а это уже пожилой и солидный, в строгом костюме.

– Я слушаю.

– Нам понадобятся, скажем так, определённые ваши таланты.

– Я догадался...

– Что ж. Язвительности вашей заключение тоже не притупило. Но перейдём к делу. Мы предоставим вам свободу, новое имя, необходимые средства и возможности. Это не значит, что мы просто отпускаем вас на все четыре стороны. Но у вас появляется шанс на новую жизнь. Потом. Когда Вы окажете нам определённую... хм... услугу. Достаточно специфического свойства, если вы понимаете, о чём я...

– Просто назовите мне имя того, кого я должен убить...

Теперь вступает уже третий, крупный, с мясистым лицом. Молча открывает папку и кладёт на стол портрет-карточку.

– Я смотрю, господа, вы на мелочи не размениваетесь... Эта смерть перевернёт государство. Как минимум.

– А разве вы не этого хотели? – усмехается молодой.

– Мы прекрасно отдаём себе отчёт в том, каковы будут последствия, – сухо прерывает его пожилой, – итак, ваш ответ?

– Разве у меня есть выбор?

Пожатие плеч болезненно отдаётся в скованных кандалами запястьях.

– Это согласие? – нервничает молодой.

– Да. Можете готовить траурную рамку и искать достаточно велеречивого писаку для некролога...

– Я всегда говорил, что с вами можно иметь дело, – заключает крупный, убирая карточку, – в ближайшие несколько дней вы окажетесь на свободе. Я об этом позабочусь.

Мы едем в Лонч

Трабантские горы представляют собой необыкновенно живописный и буколический уголок, сохранивший всю прелесть и обаяние патриархальной старины. Здесь среди тенистых роц дышат вековой стариной древние замки, окружённые флёром народных легенд и сказаний о призраках, вампирах и обезглавленных рыцарях, а радушные пейзажи в живописных народных одеждах с удовольствием порадуют вас повествованиями о русалках и горных духах.

Трабанты, в отличие от Пагов, встретят вас не суровой красотой вечных снегов и острых скал, но мягкими очертаниями, непотревоженной тишиной девственных лесов, и хрустальным звоном горных ручьёв. Что никоим образом не должно смутить и разочаровать ищущего природных красот любознательного путника.

Путешествуя по Трабантам, следует иметь в виду пока ещё довольно слабое развитие в этих краях путей сообщения и малое число современных отелей. Также стоит помнить о государственной границе между Бореей и Эстерлихом, что может привести к необходимости общения с таможенными чиновниками. Однако ж эти мелкие неудобства вряд ли смогут омрачить вам впечатления от знакомства с первозданной красотой здешних мест.

*Из «Краткого справочника путешественника
по центральной и восточной Эсперане». Цмоков, год
Бабочки, 159 цикл.*

– Тео! Тео, просыпайся, сурок несчастный. Мы уезжаем.

Из конюшни донеслось сопение, потом что-то с деревянным грохотом опрокинулось под аккомпанемент сдержанных проклятий. Наконец призываемый Тео выбрался на свет, стряхивая с рукава остатки соломы. Впрочем, в редящей шевелюре и на жилетке её ещё оставалось вполне достаточно.

– Доброго утречка, барышня. Что ж вы так спозаранку-то собрались? Погодили бы до обеда.

– Я уже шестнадцать лет гожу. Хватит.

– Нет, ну вот зря вы так, я вам скажу, зря, – Тео вытряс из волос ещё несколько соломин и нахлобучил поверх оставшихся картуз, – такая видная барышня как вы хорошего жениха и тут завсегда отыщет. И ведь из своих. А городские они ж... тьфу, срамota, а не женихи. Вы бы только посмотрели, что оне на себе носят. И все как один голодранцы. Ни кола, ни двора, ни скотины какой. Нищета, одним словом. Не то, что у нас. Вон у мельника младшой неженат. Ты-то не смотри, что у него рожа кривовата, зато папаша ему пол-мельницы обещал оставить. И пасеку.

– Большое спасибо за совет, Тео, но путь у нас неблизкий. Давай собираться.

Тот окинул скептическим взглядом издававший виды до-

рожный саквояж.

– Да чего тут собирать-то. Неужто, больше ничего взять нечего?

– Здесь всё необходимое, Тео.

Он сокрушённо покачал головой и забросил саквояж в повозку.

– Вот только запрягу, и сразу поедem, – пообещал он, направляясь к конюшне, – вы то уж со всеми простились, али как?

Она молча кивнула и сразу отвернулась; годами ведь ждала этой возможности, но всё равно в горле стал какой-то комок.

– Доброго здоровьичка, господин фершал, – поздоровался Тео с кем-то за её спиной, – ни свет, ни заря, а она уж собралась. Не терпится. Молодёжь, одно слово.

– Я как раз к ней...

Девушка чуть натянуто улыбнулась.

– Доброе утро.

– Доброе. Вот, возьми.

Он протянул ей плотный вощёный конверт.

– Это рекомендательное письмо. Управляющему на текстильной фабрике в Лонче. Он мне кое-чем обязан, так что приглядит за тобой и подыщет хорошее место.

– Огромное спасибо.

– Не стоит благодарности. Ты хорошая девушка, и я буду рад, если ты сможешь найти себя в городе. Хотя, если гово-

рить честно, ты выбрала не самое лучшее время для отъезда, – он вздохнул – в старину говорили, что государство без монарха – корабль без руля. Образно, но точно. Да и ещё все эти слухи... м-да. Война каждый раз обходила нас стороной, но всё же. Ладно, не буду тебя пугать. Просто будь осторожна.

– Я буду, – она взяла конверт и тщательно убрала его в саквояж.

– Большой мир – опасное место. Немалые возможности таят и немалые опасности. Всегда будь начеку, не доверяй кому попало, держись тех, кого знаешь, и кому веришь. Хотя бы первое время...

– Не беспокойтесь, я уже выросла.

– Я вижу. Ну что ж. Пора. Не будем затягивать.

Он отвернулся, но девушке показалось, что глаза старого фельдшера блеснули чуть сильнее обычного.

Верхний Ручей в официальных документах гордо именовался не иначе как селом или даже изредка – городком. Хотя как был, так и остался обычной деревней. Разросшейся и выползшей из долины к подножиям окружающих склонов.

Хаотично разбросанные дворы, серебристые дранковые крыши, ограды и плетни с выставленными на просушку горшками, вяло колыхающееся на лёгком ветерке бельё. В окружающем мире годы складывались в циклы, росли города и строились железные дороги. А здесь ничего не менялось, как в зачарованном замке. Вечно застывшем, предска-

зуюмом и знакомым как свои пять пальцев.

Ей надо было бежать отсюда. Она мечтала об этом годы. И наконец, у неё получилось. Даже не верится. Она ещё раз глянула на саквояж, где в боковом отделении лежало тщательно упакованное в два вощёных конверта рекомендательное письмо. Она не слишком хорошо представляла себе, что ждёт её на фабрике, но это было неважно. Лонч – большой город. Она справится. Она найдёт там себя. Это ведь город. Просто надо торопиться. Весна заканчивается. Даже здесь, в горах, солнце уже высушило дороги и подняло из земли густую зелень, наполнив воздух ароматами свежей травы и результатов её освоения многочисленными пасущимися по округе бурёнками.

– Ну вот и всё, – Тео отёр руки пучком соломы и выбросил его за ворота, – готовы?

Она лишь молча кивнула.

– «Вот и всё».

Задумчивый буланный мерин вытащил повозку на дорогу. Дремавшая в придорожной луже свинья проводила их флегматичным взглядом и смежила веки, продолжая свою дремоту. Упитанный кот шарaxнулся из кустов, чёрной молнией перечеркнув колею.

– Да что ж ты будешь делать! – натянул вожжи Тео, – теперь пути не будет...

Девушка закусила губу. Но лишь на мгновение.

– Поезжай, Тео. Глупости всё это. Я не дам какому-то

несчастному коту всё испортить.

Тео осуждающе покачал головой.

– Всё это ерунда, – назидательно добавила она почти не дрогнувшим голосом, – пустые суеверия.

– Ну, тогда хоть это с собой возьмите, барышня, – Тео протянул ей обрезок колючей лозы, толстый, чёрный, с развилкой и отливавшими пурпуром шипами, – от нечистой силы хорошо помогает, надо лишь при себе держать.

– Ты же знаешь, что это всё глупости, Тео. Нет в горах никакой нечистой силы. Сказки всё это.

– Да сказки-то оно сказки, однако ж завсегда спокойней, когда при себе есть что от нечисти. Особенно ночью-то... али в туман.

– Но всё равно спасибо... – она неожиданно для себя убрала колючку в боковой кармашек накидки.

– Ну, понеслась... – Тео укоренился на скамеечке и слегка нахлестнул вожжами мерина.

Дорога шла по долине вниз, затем должна была сделать петлю возле старого замка и уже оттуда двинуться на север. Прочь от обросших диким лесом кряжей, лысых каменистых вершин и глухих деревень. Вперёд и вниз. На равнину. К морю и цивилизации.

Но это потом, а пока они тряслись на ухабах недавно подсыхшей дороги, лишь кое-где укреплённой набросанными гатями или битым щебнем. А вокруг бычьими спинами под-

нимались мохнатые горы, на чьих боках клочками пуха бледнели ещё обрывки ночных облаков.

– Я так понимаю, это ж всё из-за родни, – делился размышлениями Тео, – ваш дед, земля ему пухом, тож был на месте не сиделец. Даже в солдаты сам подался, не по рекрутчине. Вот и вы в него пошли. Это ж не мое, конечно, дело, но вот что я вам скажу. Зря вы в город подались. Нет, ну я понимаю, когда кто из парней. Земли-то мало, а так и заработать можно и ремесло какое перенять. Но вам-то зачем?

– Ты не поймёшь, – тихо пробормотала она, так и не поняв, услышал кучер или нет.

– Ну моё-то дело простое. До Лонча я вас довезу, и до фабричной конторы доставлю в полной норме. Но всё ж, помяните моё слово, нечего вам там делать, нечего. Скверное это место – город. Очень скверное.

Она лишь вздохнула. Что он может знать о городе. Мало ли как этот город выглядит. Главное в другом. Город это... это город. Это свобода и возможности. А зачем Тео свобода и возможности? Он и так счастлив со своей конюшней.

Когда они добрались до поворота, уже прилично стемнело. Мрачная глыба старого замка на скале над дорогой понемногу растворялась в наливавшемся чернотой небе, добавляя горевший в одном из окон свет к гирляндам проступавших в сгущавшемся мраке звёзд.

– Я и не знала, что там снова живут.

– В замке-то? Да не живёт там никто...

– А кто огонь зажёт?

Тео сдвинул картуз на затылок и посмотрел вверх.

– Ума не приложу. Но недоброе это дело. Я когда на давешний месяц проезжал – никого там не было. Пустой он уж который год стоит. Вот истинно скажу, не к добру это.

– Ты опять? Нет там никаких привидений. И вампиров тоже нет. Я уже взрослая, и не верю в сказки.

Впрочем, сейчас уверенности у неё в голосе было уже заметно меньше, чем утром.

– Ну, верь аль не верь, а держаться лучше от всякого такого подальше. Не вомперы, так люди какие лихие пристали. Один чёрт – не к добру, не к ночи будь помянут. Н-ноо, лентяй старый, резвее давай...

Мерин недовольно фыркнул, но шагу прибавил.

На развилке у поворота на замок их ждал постоялый двор. Подъезжали к нему они уже в темноте. Черноту тихой ночи разрывало лишь тусклое мерцание фонаря над крыльцом, да фыркание и сопение коней в стойлах.

– Многовато у них сегодня гостей-то, – проворчал Тео, – глядишь, как бы спать на конюшне не пришлось...

Он глянул на расстроенное лицо пассажирки.

– Та не бойтесь, я их уговорю. Отыщем вам комнатку.

В сенях было душно и густо пахло горелым салом, чесноком и дешёвыми свечами. Старый хозяин, прилично кривой на левый глаз, дружески кивнул Тео.

– Частенько захаживаешь.

– Да вот, учительву дочку в город везу. Младшую. Не сидится нонеча молодёжи дома.

– Да уж, – хозяин понимающе кивнул.

– А у тебя, смотрю, дел невпроворот. Вон лошадей-то в конюшне сколько.

– Да есть такое, городские господа вот понаехали. Важные все, что твой исправник. Ну и слуг у каждого... Но тебе комнату найду. Только уж не обессудь – на чердаке. Остальное всё господа позанимали.

– Да мне-то ладно. Вот барышне – никак без комнаты.

– Вы пока у огонька погрейтесь, я кликну, чтоб наверху пыль разогнали, и постель для твоей барышни постелили.

Она прошла в зал. Духоты там было не меньше. Разве горелым салом пахло не так ядрёно. Служанка возилась с печью, посетители расселись по углам. Человек пять в перемазанных смолой кожаных жилетках с мрачной решимостью на лицах вливали в себя содержимое внушительной глиняной бутылки, цепко сжимая оловянные стаканы мозолистыми руками лесорубов. Растрёпанный малый в помятом костюме и с забинтованным пальцем обсуждал с соседом по лавке детали двойных швов и преимущества лончского сукна над глизским. Небольшая компания в противоположном углу шумно играла в карты.

Возле печки вальяжно развалился скучающего вида молодой человек. Рыжая шевелюра и лёгкая полнота придавали ему сходство с большим довольным котом. Он был одет

в тускло-оловянного цвета сюртук, малиновый жилет и клетчатые брюки. Довершал образ светло-синий атласный шейный платок. Несмотря на все ухищрения, проявленные в ходе его завязывания, полностью скрыть несколько сальных пятен на внутренней стороне ему так и не удалось.

Рыжий внимательно осмотрел девушку своими зеленоватыми кошачьими глазами, но судя по всему не счёл её заслуживающей дальнейшего внимания и занялся изучением потрёпанного и засаленного блокнота, делая там карандашные пометки.

– «Я должна привыкать, в городе всего такого полно».

Она прошла по залу. Лесорубы проводили девушку ошеловелыми взглядами, картёжники её не заметили, а оторвавшийся от обсуждения швов портной оценил фигуру гостьи умеренно профессиональным взглядом.

Засмотревшись вокруг, девушка и не заметила, как вышла в проход и чуть не налетела на быстро шагнувшего к лестнице наверх постояльца.

– Проклятье... – в голосе металлом звякнуло раздражение человека, не привыкшего, чтобы ему мешали.

Она испуганно обернулась. По первому же взгляду было видно, что незнакомец не из простых. Поставленная осанка, жёсткое загорелое лицо, сосредоточенный резкий взгляд, привыкший схватывать и отмерять. Сюртук сидит ладно, будто прямо на обладателе и вырос, воротничок накрахмален – бриться можно, на щеке – белый дуэльный шрам углом.

– Ой... простите, я не хотела...

Незнакомец молча уставился на неё. Раздражение в его лице перетекло в удивление. Девушка не выдержала молчания первой.

– Я просто... извините, я... я вас не заметила.

Она почувствовала, как заливается краской. Ну вот. Какая же она горожанка, если при одном виде благородного господина начинает блеять как овца и краснеть как медвежья ягода?

– Не стоит извинений...

Он примирительно кивнул, но идти дальше не спешил. А пристально смотрел на девушку. Та слегка попятилась. Потом на всякий случай представилась.

– Петулания. Петулания Кеслеш. Из Верхнего Ручья. Прошу прощения, а почему вы на меня так смотрите?

Короткая пауза.

– Прошу меня простить, сударыня, я обознался.

Лёгкий поклон и всё. Незнакомец развернулся и ушёл к ведущей в номера лестнице. А девушка так и осталась посреди зала растерянная и непонимающая.

Рыжий ещё раз бросил на неё взгляд, усмехнулся, спрятал блокнот и прошёл к картёжникам.

– Всё ворон ловите, барышня? – прогудел знакомый баритон сзади.

Она обернулась и посмотрела на подошедшего Тео.

– Комнату вот собрали. Поздно уж. А завтра дальше едем.

Лучше с самого ранья, чтоб у господ под ногами не мешаться. Вам бы выпасться.

Она пробрела за ним. На лестнице их уже ждал хозяин со свечкой в руках.

– Я покажу.

Все трое двинулись наверх по ревматично стонавшей и подрагивавшей задней лесенке. По пути хозяин и Тео продолжали начатый разговор.

– А вот ты как думаешь, война будет?

– Да нет. Кум мой, с той стороны приходил, говорит, они мириться хотят. Не, не будет войны.

– Это хорошо. А то ж лето скоро, потом осень. Работы по горло. Сено, жнивье уж поспело. А тут война. Совсем не ко времени война летом...

– А зимой? Снегу ж по пояс, да и морозы...

– Да и зимой тоже, выходит не ко времени.

– Выходит. Но оне ж разве о том думают? Слыхал, в столице убивцы прямо из крепости бегают. Виданное ли дело? У нас даже у исправника никто не бегают, а у них прям в столице... Это ж разве порядок? Вот при старом государе, так был порядок.

– Это точно. Совсем порядку не стало, совсем.

– Ну, вот и пришли, барышня. Вот тут. За этой, значится, дверью прямо ваша комната и будет.

Комната была небольшой. Если честно – крошечной.

По большому счёту даже само название «комната» было для этого помещения грубой лезтью. В приличном доме оно, скорее всего, проходило бы по категории мебели и трактовалось как встроенный шкаф. Но выбирать не приходилось.

Спалось ей плохо. Нет, к жёстким кроватям она привыкла, а постель была свежей, и никаких лишних обитателей в ней не водилось. Просто... Просто впервые так далеко от дома ей было непривычно. Несколько раз она забывалась сном, но опять и опять просыпалась лишь затем, чтобы увидеть, что в комнатке всё так же темно, а за окном шуршит прутьями ветер и ухает вдали ночная птица. Старые замки всегда привлекают сов.

Замок. В голову упорно лезли дурацкие сказки. Про нечисть, которая собирается в таких местах, заманивает людей и заставляет служить себе. А потом – убивает...

Она расслышала голоса. Тихие. Неровные. Как у призраков, чей бормочущий шёпот сводит с ума и лишает человека воли. Петуланья всегда полагала себя девушкой современной и образованной. Однако рука сама собой потянулась к лежавшей на стуле колючей веточке. Всем известно – нечистая сила не любит пурпурного шипового. Особенно развилыстых веток. И особенно – срезанных в весеннюю ночь...

Голоса не стихли, но стали яснее и чётче.

– «Это же просто кто-то за стеной говорит», – девушка облегчённо вздохнула и прислушалась.

Если точнее, говорили не за стеной, а под полом. Ещё точнее – в одном из номеров, над которым находилась комнатка. Петуланция осторожно слезла с кровати. Её всегда отличали тонкий слух и здоровое любопытство.

Пол неприятно холодил ноги. Девушка отложила колючку, опустилась ниже и стала слушать. Толстые доски искажали голоса и приглушали звук, но слова можно было различить.

– ... ты не понимаешь, это же кардинально меняет дело.

– Не знаю. Всё это очень рискованно.

– Без риска не бывает успеха. Тем более в политике.

– А если она не согласится?

– Плевать. Заставим. Время уходит. Мы уже многое потеряли. И сейчас любая задержка играет против нас. Если мы потянем ещё несколько месяцев, нас сомнут. Пока тебя не было, всё очень сильно изменилось.

– Я в курсе.

– Нет, ты не в курсе. Они прибирают к рукам всё намного быстрее, чем можно было ожидать. Фактически это переворот. И вот теперь, когда нам так повезло, ты начинаешь ломаться...

– Я лишь просчитываю варианты...

– У нас один вариант. В этой всеми забытой глухой дыре сама удача показала нам своё лицо, уж извините за каламбур. И мы должны, мы обязаны ухватить её, как говорится, за хвост. Ну, или за что дотянемся. Подумай сам. Ладно я.

Я всё ж таки рискую только деньгами, но ты... Не мне тебе говорить, что твои ставки много выше. Ты можешь потерять всё. Даже жизнь.

– Хорошо. Я этим займусь. Но утром.

– Отлично... Только не упусти её. Второго такого шанса у нас не будет.

– Да уж. Я прямо опешил, когда увидел. Не думал, что такое даже может быть.

– Значит удача на нашей стороне, раз послала такой подарок. Надеюсь, ты её не спугнул своей отвисшей челюстью...

Заскрипела и стукнула дверь, разговор прекратился.

Петулания вернулась в кровать и наконец, заснула. Как ей показалось совсем ненадолго.

Утро серое. С бледным, неохотно отползающим в долину, туманом. Под окнами ругань и грохот. Кого-то бьют. Азартно и с огоньком. Судя по комментариям собравшейся публики – за шулерство в карты.

Окно в чердачной комнатке крошечное и выходит ровнёхонько на соседнюю крышу, ничего из него не видно. Краска на рамах давно ссохлась, а защёлки проржавели – не откроешь. Девушка поёжилась на утреннем холоде и стала одеваться, время от времени цепляясь головой за наклонный чердачный потолок.

Когда девушка выбралась на двор, представление уже закончилось. Участники и зрители возвращались внутрь, до-

вольно переговариваясь и посасывая рассаженные костяшки пальцев.

В дальнем углу двора Тео деловито запрягал мерина. Оглядевшись, девушка заметила копошившийся под забором грязный ком. Подойдя ближе, она узнала рыжего, похожего на кота, парня. Теперь он выглядел уже не так шикарно, с кряхтением пытаясь встать на ноги, и глухо чертыхаясь. Кровь с разбитой брови разбегалась по лицу, расчерчивая его багровыми линиями.

Она подошла и протянула ему льняной платок.

– Возьмите...

Рыжий удивлённо посмотрел на девушку.

– Он же испачкается.

– Ничего. Я постираю. И вообще у меня их много.

Она смутилась и опять начала краснеть.

– Спасибо.

Рыжий опасливо оторвал от забора одну из рук и взял платок.

– За что они вас?

– Мелкие неприятности. Неизбежный риск... – Он промокнул бровь, светлая ткань моментально налилась кровью, – не обращайтесь внимания...

– Вам крепко досталось.

– Ничуть. Дилетанты. Деревенщина. К тому же ленивые. К счастью местные сапожники не любят ставить подковки...

Он посмотрел на постоянный двор и с чувством добавил.

– Скоты... Прошу прощения за грубость, сударыня.

– Ничего страшного.

Кончивший запрыгать Тео деланно закашлялся на дальнем конце двора.

– Как хотя бы называется это место? – рыжий тяжело дыша, ещё раз протёр лицо.

– Трактир. Просто трактир. Он здесь один. А замок на скале – Быстрицкий. Но там уже давно никто не живёт.

– Буду иметь в виду... Чтобы больше здесь никогда не проезжать. И ведь занесло же меня в эту дыру. Ещё раз простите, сударыня.

Он протянул ей платок.

– Я перед вами в долгу, госпожа Кеслеш.

– Пожалу... но... откуда?

– Вы вчера назвались. Тогда, в зале. Ну а поскольку официально нас уж точно никто не представит, то я посчитал возможным взять на себя смелость это вспомнить.

Она потупилась и взглянула на платок. Льняная ткань шла красно-бурыми пятнами, почти скрывшими монограмму П.К. в уголке. Девушка помялась.

– Оставьте себе. Он вам ещё пригодится.

Она развернулась и заспешила к повозке.

Рыжий оторвался от забора и, пошатываясь, заковылял ко входу, придерживая комком ткани рассечённую бровь.

– Добрая вы, барышня, – покачал головой Тео, – нет, это дело хорошее, вон и проповедник наш тоже говорит, но раз-

ве ж можно так добром-то разбрасываться? Постирали бы и всех делов. А на каждого мазурика так никаких платков не напасёшься...

Под его добродушное ворчание повозка выехала со двора и двинулась в туман. Высоко над ними мерцал в окнах покинутого замка бледный огонёк.

Лонч потрясал и ошеломлял. Если честно, то делал он это в основном шумом и вонью. Но выросшей в Верхнем Ручье Петулании Кеслеш куда более впечатляющим казалось совсем другое. Она с восторгом рассматривала многоэтажные дома с яркими рекламными вывесками, шла по изборозждённым трамвайными рельсами булыжным мостовым в самой гуще кипучей толпы, такой густой, что в её родных горах и не на каждой ярмарке увидишь.

Тео посадил её возле заводоуправления, но она не смогла удержаться и, попрощавшись с кучером, не пошла сразу в контору а, раскрыв рот, бродила по окрестным улицам, держа саквояж в руках. Всё сложилось как нельзя лучше, и никакие чёрные коты не смогли этому помешать. Она добралась до города и теперь всё будет хорошо. Просто не может быть по-другому. Она, простая девушка из Верхнего Ручья, исполнила свою мечту, и запросто шагает по булыжникам Лонча. Она победила, и ничто не сможет испортить ей этот день. И пока можно просто немного поглазеть на кипевшую вокруг городскую жизнь.

Тягучий людской поток лился по улице, закручиваясь водоворотами и вздуваясь шумными пузырями. Пронзительные крики мальчишек-газетчиков метались над ним, отражаясь от кирпичных стен рукотворного ущелья.

— В связи с недавним упокоением его автократорского величества, брак светлейшей принцессы-наследницы Доновы отложен на полгода. Все эти восемь месяцев её высочество проведёт в трауре в одной из загородных резиденций. Перед этим она простоят три ночи в бдении в императорском некрополе на Коронном острове, и примет участие в поминальных обрядах. Регентский совет полагает, что... всего три монеты, пять страниц, лучшая бумага, берите не пожалеете, всего три монеты...

Петуланья отрицательно покачала головой. Курносый газетчик бросил на неё снизу вверх презрительный взгляд и продолжил закладывающим уши пронзительным фальцетом:

— Взрыв на угольной шахте в Кметах, многочисленные жертвы, среди рабочих начались волнения, обсуждается целесообразность привлечения войск! Эмрих Стрельниц заявляет, что все меры безопасности были соблюдены, и причиной катастрофы стал человеческий фактор. Всего три монеты, всего три. Отличная бумага. Читайте подробности только в Лониском Курьере! Всего три монеты! Первоклассная бумага!

Вконец растерянная она замерла перед огромной витри-

ной с разноцветными тканями. Сукно разнообразных сортов, шёлк, атлас, бархат немыслимых расцветок. Она никогда не считала себя особо хозяйственной девушкой но эта витрина... Это было нечто. Не без труда она оторвалась от витрины и попыталась собраться с мыслями. Всё ж таки надо идти в контору. Город она посмотреть ещё успеет. Нужно только достать рекомендательное письмо к управляющему. Оно в саквояже.

В саквояже... Саквояж! Он же только что был здесь. Практически в руках!

Шок наступает постепенно. Исподволь. Начинаясь с ощущения, что это какая-то нелепая ошибка и сейчас всё поправится. Она растерянно поворачивается на месте, разглядывая пустые ладони. Не то чтобы она ждала, что саквояж в них сам собой возникнет, скорее просто не понимает, что случилось и что вообще теперь делать.

– Вы не видели саквояжа? Чёрный такой. Старый. Ручка ещё подклеенная? Пожалуйста!

Удивлённые холодные лица. Молчаливые и сторонящиеся.

Её взгляд замер на ухмыляющейся физиономии под наведенной кепкой.

– Вы не видели?

– Потеряла ты его, красавица. По дороге. С каждым бывает.

Голос тихий, как змея шипит. А глаза хитрые. И злые.

И золотой зуб из-под рваной губы блестит.

– Я вам не красавица, – она отпрянула и чуть не бегом бросилась к заводууправлению.

Клерк старый, уже седой. Много видел и мало чему верит.

– Ну, пожалуйста. Оно было в саквояже!

– Ничем не могу помочь, барышня. Без письма я вас не возьму. У нас на каждое место по пять-шесть человек стоит.

– Оно было! Просто его украли. То есть саквояж украли. А там письмо. И деньги. И все мои вещи...

– Мне жаль, но ничем не могу помочь. Обратитесь в полицию.

– Но там все мои вещи. Мне некуда идти.

– Мне очень жаль. Проходите, пожалуйста, не задерживайте. За вами уже очередь.

Мир кружится и раскачивается. Что теперь делать, куда идти, как быть? Она не знает. Она лишь садится на жёсткую скамейку и даже не плачет. Просто забыла об этом.

– Эй... ты меня слышишь? Эй!

Похоже, её зовут уже давно.

– Да. Что?

Перед ней опрятная добродушная пожилая женщина. Полная и румяная.

– Простите меня, дорогуша, я услышала вашу историю. Совершенно случайно. Это просто кошмар. Такой ужас. Вам

так не повезло, так не повезло...

– Мне некуда идти...

– Да, да. Я понимаю. Вот. Минуточку. Вы читать умеете?

– Кто? Я? Да. Умею, – она говорит, даже не слишком понимая, что за слова произносит, они как-то сами выскакивают, почти не затрагивая оцепеневшего сознания.

– Отлично. Я запишу вам адрес. Это мои хорошие знакомые. Они вам помогут устроиться на первое время. Это на бульварах. Полквартала в сторону.

Петуланция бессмысленно смотрит на клочок бумаги и занесённый над ней огрызок карандаша.

– Бульварах? Я не знаю города. Я первый день здесь.

– Ох, как же вам не повезло, дорогуша. Прямо в первый же день. Пожалуй, я вас провожу. Идём.

Они идут. Девушка не слишком хорошо понимает куда. Арка. За ней тёмный и кривой переулок. Пахнет гнилью. И тухлым мясом. За мусорными бочками неслышно мелькают серые хвостатые тени.

– Вот мы и на месте, дорогуша.

Пожилая женщина постучала в заднюю дверь. Два раза и ещё третий.

Открыл здоровенный детина.

– Чеуо тебе?

Его массивная челюсть ритмично двигалась совершенно независимо от произносимых слов. Детина не останавливаясь что-то жевал. Ясности речи это никоим образом не спо-

собствовало.

– Позови мадам.

Детина смерил Петуланию взглядом и чуть сдвинулся из проёма.

– Жаходите. Но она занята. Тык што недолго.

Внутри пахло чем-то кислым и сбродившим. И ещё потом.

– Сейчас мы тебя пристроим, дорогуша.

Детина запер дверь и зашагал куда-то внутрь.

Девушка вдруг поняла, что это место ей решительно не нравится. Но рекомендательного письма у неё тоже не было. Даже если она сможет добраться до дома... Нет. Невозможно. Только не это. Она так рвалась в город. Она справится. И вернётся с победой.

К ним спустилась не слишком молодая, но ухоженная, аккуратная и весьма богато одетая дама.

– Вот она, бедняжка, – с ходу начала приведшая её добродотливая старушка, – у неё украли все вещи и деньги. А она только сегодня приехала и совершенно не знает города. Вы просто обязаны ей помочь...

Дама пристально осмотрела Петуланию. Настолько пристально, что той стало неловко.

– Откуда ты.

– Из Верхнего Ручья...

– Это где?

– Ну... это на Быстрице. Выше замка. За старыми выруб-

ками, возле...

– Ясно, ясно. Зачем ты приехала?

– Я должна была поступить на фабрику. У меня было рекомендательное письмо. К управляющему. Но его украли. Вместе с саквояжем...

– Ты приехала одна?

– Меня привёз Тео. Но он сразу уехал. У него много дел.

– Тео?

– Наш возчик. Из Верхнего Ручья. Он иногда заезжает в Лонч.

– Иногда?

– Ну пару-тройку раз в год. Наверное.

– Понятно. Тебе есть, где жить?

Она отрицательно помотала головой.

Дама достала из конторки жёлтую карточку с типографски набитым текстом.

– Пойдёшь через дорогу в меблированные комнаты, отдашь это конторщику. Он даст тебе переночевать в долг. Завтра утром поговорим. Сейчас мне некогда.

– Я же говорила, что они тебе помогут, дорогуша.

Девушка сжала в пальцах картонку.

– А я смогу работать на фабрике?

– Даже лучше, дорогуша.

В проёме внутренней двери показалась молодая женщина в шёлковом, довольно откровенно облегающем фигуру черном платье и с пышной причёской.

– Мадам. Вас зовут, – она бросила взгляд на Петуланию, – ты новенькая?

– Я... я не знаю. Я должна была работать на фабрике... Но я не очень много, что умею.

– Мы тебя научим, – женщина в чёрном платье хрипло рассмеялась.

– Цыц отсюда, – оборвала её мадам, – и скажи им, что я сейчас буду.

Она обернулась к добродушной старушке.

– А ты отведи девочку переночевать. И не потеряй по дороге...

Детина, чья челюсть продолжала двигаться с размеренностью парового механизма, молча открыл им дверь.

– А я смогу найти работу на фабрике? – осмелев, спросила Петулания, когда они переходили бульвар.

– Конечно. Но сначала тебе нужно отдохнуть. А уже завтра утром всё определится. Тебе вот сюда.

Она указала на выкрашенную тёмно-красным дверь с потертой в середине до блеска бронзовой ручкой.

– Отдашь карточку, тебе покажут комнату. А мне пора идти. Поздно уже.

– Большое вам спасибо, сударыня, – вежливо поблагодарила старушку Петулания и шагнула внутрь.

Внутри был тёмный холл с конторкой и зевающим человеком за ней.

– Рад приветствовать, сударыня. Желаете снять комнату?

Она протянула карточку. Подобострастная улыбка тотчас же исчезла с лица клерка.

— Ещё одна... — он достал из под конторки ключ, — третья дверь справа на самом верху. И чтоб без глупостей. Угловую комнату с прошлого раза ещё не отмыли.

Он внимательно оглядел девушку.

— Ножи, бритвы, трава, выпивка с собой есть?

— Что? А... нет. У меня всё украли.

— Отлично. Бери ключ, и чтобы я тебя до утра внизу не видел. У нас приличное заведение. Работать в другом месте будешь.

Девушка слишком устала, чтобы задавать лишние вопросы и просто побрела наверх по крутой лестнице. Там она нашла комнату, упала на кровать и заснула без сновидений.

Наутро конторщик гостеприимнее не стал. Только более сонным. По деревенской привычке Петуланция встала рано. С трудом продравший глаза клерк отобрал у неё ключ, пробурчав что-то про то, что комнату ещё проверит, и если что найдет, то ого-го... Что именно он подразумевал под «ого-го» она так и не выяснила. Убрав ключ, тот угнездился на стуле и немедленно заснул.

Девушка подошла к двери и на мгновение остановилась. А куда ей собственно идти? К фабричному управляющему? Так он о ней даже не слышал. Без письма и говорить не станет. К мадам через улицу? Нельзя сказать, что то место по-

казалось ей очень уж гостеприимным. Но там, по крайней мере, готовы её взять. Она сможет устроиться на первое время, а потом уже можно будет и что-то лучше придумать... Что ж. Решено. Девушка с силой толкнула массивную дверь и шагнула наружу.

Воздух на улице был сырым и убийственно смердел угольной гарью. Свет ещё не погашенных фонарей расплывался во влажной дымке. Она укуталась в плащ. Ощутила укол и запустила руку в карман. Обрубок колючей ветки. Верное средство для отпугивания нечистой силы. Только вот от воров не помогает.

– Госпожа Кеслеш?

Возле дверей, облокотившись на кирпичный заборчик, стоял рыжеволосый, похожий на кота, человек. За пару дней он ухитрился почти восстановить внешний лоск. По крайней мере, выстирать и вычистить одежду. Однако повязка и заплывший синевой глаз всё ещё красноречиво напоминали о происшествии на трактирном дворе.

– Это вы? Извините, я забыла ваше имя.

– Не извиняйтесь, я его вам не говорил. Юл Пикаро к вашим услугам, сударыня.

– Пикаро? Вы не похожи на иностранца.

– О, судьба моей фамилии это долгая история.

– Рада, что вы так быстро поправляетесь. Очень жаль, но мне нужно идти. Меня ждут.

– Я вам кое-что должен, госпожа Кеслеш.

Петуланья непонимающе посмотрела на молодого человека.

– Вы хотите вернуть мне платок?

– Нет, это «кое-что» несколько более ценное.

Он оторвался от заборчика.

Мимо с грохотом прокатилась тележка молочника. Девушка проводила её голодным взглядом.

– У меня к вам предложение. Вы меня слышите?

Она снова повернулась к нему.

– Извините, что?

На лице молодого человека появилось странное выражение. Какое-то растерянное.

– А вы когда последний раз ели?

– Я? Вчера. Наверное. Да, вчера утром. Но я совсем не голодна. Только пить хочется. Немного.

– Идёмте, – он взял её под руку и повёл вдоль бульвара.

Долги и займы

– Прямо здесь ответишь ты за все свои злодеяния! – воскликнул благородный витязь твёрдым голосом, – тебе не уйти от кары за попрание чести благородной девицы из древнего рода, кою ты незаконно похитил и чьей любви уже два месяца безответно добиваешься, заточив в своём замке и окружив своими клеветами!

– С каких это пор наглая вендлийская деревеница стала говорить мне о чести? Мне, Адельхари, сыну Гезимера из рода Наггльскильдингов? Кто ты такой, чтобы учить меня чести? Ты, предавший короля!

– Мои предки столь же родовиты, как и твои, а моя безупречная служба королю была опорочена клеветниками. И я вызываю тебя на бой, Адельхари из Оксенхаупта. Прямо здесь и сейчас, на землях древнего Мраковида и берегах священной Напрудны, я требую у тебя ответа. Ответа на поединке чести! Мы сразимся перед лицом твоих вассалов в честной битве, и пусть этот святой человек, наставник Берид из Гребенной Роицы благословит нас на бой. Да рассудят нас три благородных оружия – лук, копьё и меч.

– Да будет так, я повергну тебя клятвопреступник, и когда это случится, не вспоминай о пощаде! – сверкнув очами, вскричал Адельхари, – эй, слуги, коня мне, крепкий щит, меткий лук и верное копьё сюда.

– *Благословите нас, наставник Берид, – смиренно опустил на колено благородный витязь, – и пусть одержит победу достойный.*

– *Истинно так. Да благословит сей поединок предвечный отец наш, восседающий в сиянии непобедимом, и дарует справедливость правому и милосердие побеждённому. Сходитесь!*

Из популярного исторического романа «Баллада о доблестном витязе Иванко».

– «Она красивая. Действительно красивая. Не просто симпатичная или привлекательная, а именно красивая. Даже удивительно для селянки родом из этой горной дыры. Если её соответственно одеть и причесать – вполне сойдёт за потомственную аристократку. Пожалуй, мне крупно повезло, что я успел. Вцепись в неё мадам покрепче – у меня бы не было шансов...»

Юл отхлебнул пиво и поморщился. Лучше даже не думать, чем они его разбавляют. Суп, правда, кажется вполне приличным. По крайней мере, девушке явно нравится.

– Большое вам спасибо, господин Пикаро, я обязательно расплачусь. Просто мне нужно хотя бы чуть-чуть заработать. У меня украли все деньги.

– Это город, барышня. Здесь клювом не щёлкают.

– Что, извините?

– Кхм... прошу прощения, я немного задумался. Не обращайтесь внимания. Я хотел сказать, что в городе вам следует

быть внимательной.

– Конечно, конечно. Я понимаю. Надо было сразу же идти к управляющему с письмом. Но этот большой город. У меня просто закружилась голова. Это так глупо, право...

– Это бывает. Практически с каждым. Уж я-то знаю... кхм... да...

– Ещё раз большое спасибо, но мне нужно идти. Мадам уже, наверное, заждалась.

– Мадам придётся ждать дальше. У нас другие планы.

– У нас?!

– Вы же не хотите, чтобы я бросил вас одну на растерзание этому дикому городу, правда?

Проклятье, как тяжело подмигивать с подбитым глазом.

– Ну.. я, право, даже не знаю... это так неожиданно...

– А вы вообще в курсе, какую работу хочет вам предложить мадам?

– Н-не совсем. Я полагаю, что на какой-нибудь фабрике... наверное...

Сама ведь этому не верит. А верить ей очень хочется.

– Может, вы знаете, господин Пикаро? Здесь ведь много фабрик.

– Зовите меня просто Юл.

– Вы же городской, правда? Вы же можете знать, что это за работа?

Уже сомневается, но пока ещё толком не понимает, что конкретно ей там светит.

– Я это как-нибудь потом расскажу. Но поверьте, лучше вам будет найти другое занятие.

– Но где? Я здесь никого не знаю, и у меня нет ни гроша.

– Я же сказал, что я вам обязан, Петулания.

– Можете называть меня Ланой. Если хотите, конечно.

– Совершенно не возражаю, Лана.

– Вы что-то говорили о планах?

– Точно. И они следующие: мы расправляемся с завтраком и отправляемся на вокзал.

– На вокзал? Зачем?

– Мы едем в Стейн.

– Стейн? Вы хотите сказать Нейв-Стеенборк? В столицу. О, боже... Ох, то есть я хотела сказать, а зачем?

– Вы же хотели найти работу?

– Но... в столице? В самой столице?!

– Думаете, там нет работы?

– Но... но я даже... это же... Хотя не знаю. Возможно мне всё же стоит подумать.

– Смотрите сами, Лана. У вас есть выбор – вернуться домой или попытаться найти свой собственный путь. А на этом пути разве стоит останавливаться на малом, а не пытаться сорвать настоящий куш? Стеенборк не самое плохое место в этом мире. Ну, разве, малость холодное...

Она задумалась. Посерьёзнела. Проклятье, у неё действительно красивое лицо. Правильное и чуть строгое. И она по-детски покусывает губу, когда думает. Юл внимательно от-

носился к лицам и мимике собеседников. Это было частью его работы.

– Я... я даже... Я готова.

Решительная девушка. Наивная, но с характером...

– Я всё равно здесь никого не знаю. Так какая разница, где я буду никого не знать – в Лонче или в столице?

И рассудительная.

– Сначала допейте чай. Ехать нам не близко, а первого класса с салоном-рестораном я вам обещать не могу.

– «Интересно, это первый вокзал, который она видит? Судя по лицу – да. Как ещё много ей предстоит узнать об этом мире. Если, конечно... Чёрт, у меня что, совесть проснулась? Только не это.»

– Вы когда-нибудь раньше бывали на вокзалах, Лана?

– Нет. Я видела только станцию в Таржицах.

Тогда понятно. Лончский вокзал способен впечатлить. Последнее слово архитектуры и техники. Воплощение гигантомании и гения. Довольно таки сумрачного, но определённо гения.

– А этот вокзал. Он такой. Такой. Огромный. А купол? Это ведь стекло? Правда? А если будет сильный ветер или пойдёт град? Оно же всё разобьётся.

– Это очень прочное стекло. Ну как говорят. Там вроде даже внутри проволоочная сетка вварена.

– Всё равно. Вот у нас прошлой осенью был шквал, а жена

молочника забыла ставни закрыть. Так у неё осколками всю перину посекло. И опять же птицы. Это же всё как-то мыть надо? А там высоко.

– Мыть надо... Вон наш поезд. Экспресс. Уже ночью будем в столице. Я достал билеты в плацкарт четвёртого класса. Не самое лучшее, но всё же не шестой.

Вагон удачный. Сиденья мягкие, окно чистое, попутчики... Ну в общем тоже ничего. Грузный и пожилой с пышными усами, судя по всему, провинциальный чиновник средней руки, и чахоточного вида студент явно из бедных, пробывающих наверх. Младшекурсник, фукс, – не носит ещё знаков товарищества. Значит, в настоящие бурши его пока не приняли. Так себе публика. Не особо денежная, но для поддержания формы сойдёт.

Поезд мягко набирает ход. Раньше вагоны трясло больше. Или просто раньше он редко ездил четвёртым классом?

Девушка прямо-таки прилипла к окну. Ей всё в новинку. Хоть и смотреть там особо не на что. Холмы, деревни, телеграфные столбы, вышки аэропочты. Ничего интересного. Сельский край – овощи и коровы. А ей любопытно.

Юл поймал на себя на мысли, что слишком уж много думает о ней. Она словно молодая наивная лань, вырвавшаяся из родного гнезда и теперь упоённо резвящаяся на поле, не замечая, что как раз на неё охотники гонят стаю волков. Проклятье, он, кажется, становится сентиментальным.

– «Меньше об этом думай. Это только работа. Бизнес.

Обычный бизнес и ничего больше. Ты просто деловой человек, выполняющий взятые на себя обязательства. И ничего личного. Просто деньги»

Усатый, пыхтя, развернул газету и недовольно зафыркал.

– Нет, ну каков наглец! Вы читали? Этот прохиндей Флориан собирается приехать ещё до свадьбы. У него совесть есть или нет? Бедная, бедная принцесса-наследница... Нет, что бы кто не говорил, но я против нового закона. Надо было оставить всё по-старому. Никаких женщин на троне. А вы как думаете?

– Я? – Юл отвлёкся от своих неуместных размышлений и профессионально улыбнулся; контакт с попутчиками – основа успешной работы.

– Именно.

– Ну как по мне, то принцу Клементу вроде как три года?

– Три с половиной. Но это не суть. При Кlemente будет править регентский совет. Лучшие люди страны. А при Донове... Вы хотя бы знаете кто такой Флориан? Я читаю газеты и знаю. Этот мерзавец, говорят, тайно посещает любовницу! Уверен, он моментально заморочит голову несчастной принцессе. Вот попомните моё слово, не пройдёт и пары лет, как нами будут править Флориан и его эстерлихцы. А то и во все эти их соседи с непроизносимыми именами Секеш-Пекеш-Дзодзе всякие. Тьху, прости создатель...

Усач отвёл газету в сторону и чуть наклонился к Юлу.

– Я вот даже думаю, – он подозрительно огляделся, –

а вдруг это заговор?

– Да что вы, какой заговор. Вы преувеличиваете...

– Ничуть, милостивый государь, ни капли. Флориан – известный честолобец. Что ему бедная наивная принцесса? Он трона хочет. Да если и нет, то ясное дело, что политику нашу он точно станет гнуть в сторону своей родни. И это сейчас, когда так всё обстоит с колониями. Вы читали про гунтамский инцидент? Эти желтолицые обезьяны с бабскими причёсками осмелились выставить нашего посланника! Посланника! Тоже мне сыны неба. Мы должны были сразу показать им, что с Бореей не шутят. Уверен, им это сошло с рук только из-за айремских и элларских происков. Эти лицемеры сами хотят там укрепиться. А у нас на троне вот-вот будет юная девица. И это когда стране нужна твёрдая рука! Нет, говорите, что хотите, но старый закон был лучше...

– Говорят, юный Клемент весьма слаб здоровьем...

– Но-но. Не повторяйте всяких бредней. Он ещё мал, вот подрастёт и посмотрим.

– Это принципиальный изъян любой монархии, – вмешался чахоточный студент, – трон может достаться и женщине, и болезненному младенцу. Такая практика ущербна и противна всем законам природы.

Усатый бросил на него подозрительный взгляд.

– А вы, молодой человек, часом не из общественников будете?

– А если и из общественников, то что?

– А то, что по вам, смутьянам, плаха и топор плачут. Распустили народ эти свободолюбцы из старого правительства. Вот и докатились. Но ничего, новые власти вам ещё покажут.

– Эти самовлюблённые недалёкие тираны? Что они могут показать. Свободу не задушишь! Вам не остановить прогресса.

– Ты это, агитацию кончай, а то живо с жандармами познакомишься!

– Спокойнее, господа, спокойнее, – вмешался Юл, – не будем ссориться. Лучше займёмся чем-нибудь мирным. Кстати, а вы в карты играете?

Он ошибся. На южный вокзал Стеенборка поезд въехал только утром. Ну, по крайней мере, для людей простых это было утро. Публика более респектабельная ещё досматривала последние сны, а уж совсем шикарная – скорее первые.

Лана, не стесняясь, зевает и слегка покачивается. Платкарт – не купе. Особо не выспишься. Но держится молодцом. Не жалуется.

– Вам очень везёт в карты, Юл.

– Просто у меня был удачный день. Точнее ночь.

– Но всё же вам не стоило брать у того студента фуражку.

– Его никто не заставлял ставить её на кон...

– Я понимаю, но теперь ему нечего надеть, а вам она всё равно не нужна.

– Её можно продать...

– Это как-то... жестоко.

– Это жизнь. Кто-то теряет, кто-то находит. Я же не при-
ставлял ему нож к горлу? Мало того я его честно предупре-
дил, что раз у него кончились деньги, ему стоит остановиться-
ся. Ну а коли он решил продолжить, то кто ему судья?

– Вы могли бы отказаться.

– Полагаете, я ему нянька? Нет. Человек всегда должен
нести ответственность за свои действия. И далеко не всегда
их результат будет ему по нраву. Он сам решил играть даль-
ше, и теперь будет мёрзнуть. Может быть, это даже научит
его быть умнее в будущем.

– Может быть. Но всё таки это как-то очень... очень су-
рово.

– Жизнь вообще очень суровая штука, Лана. Очень суро-
вая...

– «Чёрт, ну это просто ни в какие ворота не лезет, я окон-
чательно теряю квалификацию. Нельзя быть таким сенти-
ментальным».

– Что случилось? Вы как-то странно на меня смотрите.
У меня причёска не в порядке?

– Чуть-чуть сбоку выбилось. Да-да. Вот здесь.

– Спасибо. А куда нам дальше?

– Пока мы можем немного прогуляться. В такую рань все
ещё спят. А ближе к обеду я отведу вас к хорошим людям.
Они вам помогут.

– Так же как мадам хотела помочь?

И не поймёшь, она действительно так наивна, или не без намёка интересуется. Осторожнее, Юл. Девчонка неопытна, но она далеко не дура.

– Н-нет. Не совсем. Они действительно помогут... обязательно... Они добрые люди. И честные. Да.

– А где мы будем гулять? Я много читала про дворцовый квартал.

– Нет. Это слишком далеко. Сейчас мы, пожалуй, махнём на Клеверец.

– А что это?

– Это одна из улиц и площадь. В округе Священного Скромника. Недалеко от старого канатного двора.

– А там есть дворцы?

– Совсем мало.

– Жалко. Я хотела бы посмотреть на дворцы.

– Ещё посмотришь... наверное... то есть я хотел сказать наверняка. Ладно, не будем терять времени. Трамваи в такую рань ещё не ходят, придётся брать извозчика.

– А вы говорили что тут мало дворцов! Вы меня обманули. Тут сплошные дворцы. Вон тот, например, с кошечкой на фасаде.

– Это не дворец, это хм... не важно. Вы просто ещё не видели настоящих дворцов. Нам сюда. Вниз по боковой улице и дальше в переулок.

– Сюда?

– Ну это, конечно, не дворец, но мне нужно решить кое-какие дела прежде чем мы пойдём на встречу с э-э... с добрыми людьми.

– Нет. Я понимаю. Но эта подворотня она какая-то... какая-то не очень опрятная.

– Не обращайтесь внимания. Просто здесь редко убирают мусор.

– А тут что, ещё и свиней режут?

– С чего ты взяла... вы взяли?

– Ну, вот это пятно, по-моему, кровь.

– Да нет. Это просто обычная грязь. Не обращай внимания. Здесь совершенно безопасно. Да и вообще раньше у них здесь было намного чище. Не переживайте, мы совсем ненадолго. Сейчас я просто постучу в эту дверь... А. Ой. Привет Куто. Это Куто Рихве, мой хороший знакомый. Не знал, что ты как раз собираешься выйти.

– Привет, Юл. За каким лешим тебя принесло?

– Да так. Дело есть. Что у вас тут за ср... свинарник? С приличным человеком прийти нельзя.

– Вчера вышло дельце с парнями из Ольтоны. Слово за слово, ну сам понимаешь... Ребята были довольно зло настроены, но обломали себе зубы...

– Я уже заметил. Вы бы кровь подтёрли, что ли...

– Успеется. А кто это с тобой? Каунис нейти, э...

– Что он сказал?

– Э-э... Петулания. Госпожа Кеслеш. Вы бы не могли

отойти на пару шагов. Нам тут с Куто надо кое-что обсудить. Личное.

– Ну как скажете.

Девушка бросила на них подозрительный взгляд и отошла на пару сажений по переулку.

– Слышь, Куто. Мне нужно поговорить с Бradoбреем.

– Не. Он зол, как чёрт и никого не хочет видеть. Тем более тебя. И с каких это пор ты имеешь дело с девками? Если хочешь её сплавить, ты не по адресу пришёл, Юл. У нас не Канатный.

– Тише ты. Она может услышать. Нет. Куда её деть я знаю. Мне нужна его помощь.

– Ха. С какого бодуна он должен что-то для тебя делать?

– Эта девчонка стоит чёртову кучу денег. Настолько чёртову, что я могу отдать часть Бradoбрею.

– Она ещё и настолько чёртова, что Бradoбрею эта часть будет интересна?

– Да, стоеросовый ты болван. Настолько. Телись быстрее, или она сбежит. Она и так уже от страха позеленела.

– Ну, если ты не врёшь, то девчонка прямо таки золотая. Хотя с лица так и не кажется... Ладно. Я попробую с ним поговорить. Но ничего не обещаю. Кроме того, что если ты соврал, то я лично тебе ноги переломаяю.

Куто скрылся внутри, а Юл отошёл к девушке.

– Ну вот и всё...

– Мы уже можем отсюда уйти, Юл? Господин Пикаро.

Мне это место не нравится.

– Не скажу, что я от него в восторге, но нам ещё нужно немного задержаться. Совсем немного. Мне надо встретиться с одним человеком. Это очень важно.

– А это обязательно надо делать здесь?

Она зябко поёжилась, оглядывая глухие и мрачные кирпичные стены, уходившие на несколько этажей вверх, превращая переулок в извилистую и тёмную расселину.

– Увы.

Дверь снова открылась.

– Заходите. С тобой, Юл, хотят побеседовать.

Улыбка Куто ему очень не понравилась.

– Так, так. Судя по роже, дела у тебя идут не слишком здорово...

– У этих «пейзан в живописных одеждах» на редкость острый глаз.

– Теряешь квалификацию, Юл. Кулаки, я так гляжу, у них тоже довольно увесистые?

– Не без этого. Но всё равно – любители...

– Ага. Поэтому начистили тебе рожу, вместо того чтобы просто переломать пальцы.

– Свят, свят, свят... Ты так не шути, Брадобрей. Ещё сглазишь.

– Хе-хе. Зачем пришёл-то?

– Куто тебе сказал про девушку?

– А ты повтори. Оно завсегда полезно. Мать учения, не хрен собачий...

– Некие люди. Важные. Очень важные. И небедные. Так вот они очень хотят получить эту девочку. Целой и невредимой. При этом быстро и без лишнего шума. И предлагают за неё хорошие деньги.

– Зачем она им?

– Понятия не имею. Но платят они весьма щедро.

– Тогда в чём проблема? Девчонка у тебя есть. Осталось только получить деньги. Или я чего-то не понимаю?

– Не совсем так. Когда я с ними говорил, моё чутьё подсказало мне, что они очень не против девчонку взять, а деньги оставить себе. Да и живые свидетели, как мне кажется, их не слишком-то радуют.

– Твоему чутью стоит верить. Оно у тебя профессиональное... Но тогда какого ты на всё это согласился?

– А что мне было делать? Я оказался в каком-то вшивом кабаке в глухих горах с разбитой мордой, весь в дерьме и без гроша денег. Как я мог отказаться от их предложения? Не пешком же мне было оттуда выбираться?

– Тогда сам виноватый.

– Слушай, я могу поделиться. Если ты мне поможешь.

– То есть ты хочешь, чтобы мои ребята прикрывали твою задницу, пока ты будешь сдавать девчонку и пересчитывать деньги? И что я за это получу? Я очень занятой человек, Юл. Ты даже не представляешь насколько. Купцы хотят, чтобы

их лавки никто не грабил, и нищие не распугивали покупателей; работяги – чтобы им платили их законные гроши; бродяги – чтобы им было где взять еды, а окружной полицмейстер, похоже, отрастил себе ещё две пары рук, чтобы ловчее было брать... И всё это дерьмо приходится разгребать мне. Даже представить себе трудно, сколько времени это отнимает. А тут заявляешься ты и требуешь от меня помощи. Ну посуди сам, что я могу тебе ответить.

– У тебя карандаш и бумага есть?

– В углу, на коробке с гвоздями.

– Вот...

– И это всё? Ты хочешь, чтобы я отрывал парней от работы за эти гроши?

– Чёрт, Брадобрей! Пять лет назад ты бы на голову встал и за половину этой суммы!

– За пять лет мои возможности несколько возросли...

– Ты хочешь сказать, что эти деньги тебе лишние?

– Нет. Лишними деньги не бывают. Но у меня есть другой интерес.

– Другой? Слушай, Брадобрей, я всё понимаю, но когда ты вот так начинаешь крутить в руках бритву, я нервничаю.

– Извини Юл, у самого нервы ни к чёрту, взял за привычку всё время теревить что-нибудь в руках...

– Чего ты хочешь?

– Наклёвывается тут у меня одно дельце. Для которого нужен достаточно пронырливый и не слишком широко извест-

ный на лицо типчик. Как раз вроде тебя.

– Ты знаешь, я за что попало не берусь. Не терплю сырости, и вообще чту законы. По крайней мере, уголовные.

– Именно поэтому ты без малейших колебаний готов продать невинную девочку каким-то мутным типам?

– Не триви. Если бы не я, её бы уже второй день как прихаживали в лончском борделе.

– Что-то мне подсказывает, что ты спас её от этого от силы ещё на пару дней...

– Эти типы не похожи на людей с Канатного. И на извращенцев тоже.

– Но ты всё равно не знаешь для чего она им?

– Слушай – мне нужны деньги. Тебе тоже нужны деньги. Так какого ты взялся играть в проповедника? И положи эту чёртову бритву! Пожалуйста...

– Так ты готов оказать мне ответную услугу?

– Какую.

– Детали я расскажу позже.

– Это кот в мешке.

– Не бойся. Мы же друзья. Я не буду требовать от тебя работы не по профилю. Для этого у меня другие люди есть...

– Бладобрей, ты не оставляешь мне выбора.

– Так не выбирай.

– Хорошо. Но пусть тебе будет стыдно...

– Ха. А ты шутник. Ладно. Когда и где?

Выбравшись из подвала, где обосновался босс, Юл нашёл

девушку в компании Кута и нескольких его коллег.

– Акко перкеле, Юл, ты что, учил её играть? Она нас почти раздела...

– Вы преувеличиваете, господин Рихве, мне просто чуть-чуть повезло.

– Я смотрю, вы уже освоились, госпожа Кеслеш. А я-то волновался.

– Ну что вы. Это милейшие люди, господин Пикаро.

– Вот уж никогда бы не подумал... Однако нам пора.

– Мы уже уходим?

– Да, нам следует торопиться. Впрочем, господин Рихве и его товарищи составят нам компанию.

– Как здорово! Он так весело рассказывает истории. Ну те, про китов и про то, как они ходили в Лунгпуль. И ещё он сказал, что я ему кого-то напоминаю.

– Истинное пламя, барышня. Где-то я ваше лицо видел. Точно вам говорю.

Юл прищурился. Может действительно что-то знакомое... Нет, он видел много лиц и хорошо их помнит. С кем-то похожим он никогда не встречался. Никогда. Он бы запомнил. Он всегда запоминает лица тех, с кем сталкивался. Это профессиональное.

– Вообще-то мне все говорили, что я пошла в дедушку, – добавила Лана, – он был солдатом и даже в гвардии служил...

– Дело уже к обеду идёт, – перебил её Юл, – нам пора.

Ветер с моря. Холодный. Пронзительный. У непривычного человека уже через пару часов начнут краснеть и гореть лицо и руки. И будут потом гореть ещё неделю, а то и больше. Прибой болтает по бурому песку мусор, в небе орут чайки. На горизонте серой ниткой виден берег Коронного острова с тонкими шпилями башен.

– А что это за место, господин Пикаро?

– Старый маяк...

– Вы знаете, а я раньше никогда не видела моря...

– Догадываюсь.

– Но я думала, что оно синее. А это какое-то серое. И мутное.

– Это здесь, в заливе, барышня. А ежели за Горло выйти, там оно совсем другое. А уж на юге так и вовсе чистый сапфир.

– А вы бывали на юге, господин Рихве?

– А как же. Там кит мелкий, зато большими косяками ходит. Ну и дюгоней много. А вот ещё когда я на хинском чайном ходил...

– Мы уже пришли.

– Что, нам прямо туда?

– Да, мы с тобой пойдём внутрь, а Куто и остальные приглядят снаружи.

– А это точно надо? Мне кажется, что Куто очень приличный человек, и он вполне сможет помочь и с работой.

– Тебе стоит водить компанию с другими людьми, Лана.

Поверь мне. А теперь идём.

Они все ждали внутри. Странно видеть все эти дорогие пашминовые пальто и сюртуки здесь, среди осклизлых камней, выкрошенного кирпича и ржавых остовов. Маяк уже много лет как заброшен. Ровно с тех пор, как дальше по фарватеру построили новый, электрический.

Стоят на возвышении у стены, где посуше. И где сверху падает свет из проёма выбитой двери. Все на виду. Знакомые лица. Холёные, раздражённые и нервные. Юл разбирается в людях. Эти – далеко не пример достоинств. Каждый из них запросто его продаст, купит и ещё раз продаст. Однако практически никто из них не станет лично пачкать руки. Они не опасны. Кроме одного. Того, поджарого, с угловатым шрамом на щеке. Вот он – опасен. Очень. Это Юл чувствовал аж спинным мозгом.

– Добрый день, господа.

– Мы договаривались, что вы будете один.

– Я всего лишь маленький человек, господа. Маленькому человеку в наше время опасно ходить в одиночку по столь глухим местам, имея при себе значительные ценности...

– Вы бесчестный человек, Пикаро...

– Мы ж люди простые, нам честь по чину не положена.

– Да он ещё издевается...

– Спокойнее, господа, спокойнее. Я вижу, вы привели девушку?

– Как видите.

– Господин Пикаро, я не понимаю...

– Не бойтесь, Лана, всё будет хорошо. Эти люди о вас позаботятся.

– Сестра-наставница Морвин, могу я вас попросить заняться девочкой.

– Я не хочу никуда уходить!

– Не надо Лана, так действительно будет лучше для всех.

– Но... но...

– Пойдём, бедняжка, теперь с тобой всё будет хорошо. Эти ужасные люди больше тебя не потревожат.

Юл проводил её взглядом, и снова поднял глаза на заказчиков.

– Итак, свою часть сделки я выполнил.

– Асторе, отдайте ему его деньги.

Это тот, со шрамом. Надо быть начеку.

Подошёл. Отдал пакет. Вроде всё нормально. Подвоха не видно.

– Надеюсь, вы счастливы, Пикаро. Можете идти, больше мы в ваших услугах не нуждаемся.

– Прошу прощения. Я бы хотел пересчитать...

– Да как ты смеешь!!!

– Спокойнее, спокойнее. Мы имеем дело не с аристократом, а с торгашом. Пусть считает. Асторе, проследите, чтобы у нашего друга не слишком заплетались пальцы при подсчёте. Когда закончите, догоните нас у пирса.

– «Проклятье, в его присутствии ведь действительно заплетутся».

Плотная бумага шуршит в руках.

– Всё нормально, господин Пикаро?

– Да. Всё как договаривались.

– Тогда позволю себе попрощаться. Я должен идти.

– Конечно, конечно. Всегда приятно иметь дело с честными людьми. Единственное...

– Да?

– А зачем вам девушка?

– Это не ваше дело, господин Пикаро.

– Ну не моё, значит, не моё... Но чтобы вы с ней не делали, я хотя бы надеюсь, что она не будет очень страдать...

– Это я вам обещаю.

– Всего хорошего, господин Асторе.

– И вам, господин Пикаро.

Одна маленькая, но очень гордая птичка

Долг благовоспитанной дамы заключается в том, чтобы быть безупречно учливой и рассудительной в любой ситуации. Никакое проявление сильных чувств, кроме как предписанных этикетом, не может быть для неё оправданным и приличным, даже наедине с мужем и детьми. Она должна всегда помнить, что является опорой и поддержкой супруга и чад, и должна всегда выглядеть в их глазах опорой верной и надёжной.

Сдержанность, благонравие и терпение – вот основные добродетели истинной дамы, а её природное назначение – хранить в спокойствии и благодати доверенный ей семейный очаг, не давая ему остыть. Подобно тому, как в древние времена доспехи защищали рыцарей и свидетельствовали их благородство, так учтивость и следование этикету должны быть защитой и бронёй дамы, получившей респектабельное воспитание, её сверкающими доспехами.

Из введения в «Наставление для благовоспитанной девушки к поведению в обществе». Нейв-Стеенборк, издание 17-е, расширенное и дополненное.

Её привезли в эрмерий. Нет, никто Лане этого прямо

не сказал, но не требовалось особой проницательности, чтобы определить назначение этих обнесённых побеленной кирпичной стеной построек, затаившихся на пустынном берегу, сразу за линией дюн, среди приморских сосен, тянувших к серому небу свои костлявые ветви.

Даже воздух за массивными дощатыми воротами был другим, не мирским. Исчезли ветер и запах соли, сменившись ароматами тщательно ухоженного сада. Белые стены приземистых зданий терялись в густых зарослях садовых кустарников и невысоких деревьев, часть из которых Петулия раньше видела только на картинках в зачитанном учебнике ботаники, купленном её отцом по случаю у странствующего торговца, а других не видела даже там. Многие из садовых растений уже цвели, и пока девушка с наставницей шли по усыпанной толчёным кирпичом дорожке, Лана жадно глядела по сторонам, поражаясь разнообразию форм и красок цветов и листвы.

Сестра-наставница Морвин открыла низенькую, выкрашенную зелёной краской дверь в глухом уголке сада, и провела девушку через светлый коридор в одну из укрытых за тяжёлыми дверями келий.

Комната была просторной и очень светлой. А ещё феноменально, геометрически, правильной и аккуратной. Безукоризненно отбеленные стены незаметно переходили в сводчатый потолок. Вымощенный кремовой плиткой пол укрывали строго выравненные относительно стен плетёные из тра-

вяного жгута коврики. Высокое узкое окно заполняли аккуратные створки с идеальными ромбиками цветного стекла.

Обстановка кельи богатством не поражала. Молитвенная ниша в дальнем правом углу. Узкая длинная кровать, застланная с таким тщанием, что мягкое шерстяное одеяло и перьевая подушка обрели ровность и геометричность хорошей столярной работы. С левой стороны – небольшой книжный шкафчик из обработанного морилкой, но нелакированного дерева.

– Здесь ты будешь в полном безопасности, дитя, – заверила её сестра-наставница, – эти жуткие люди, из чьих лап тебя удалось вырвать, больше не смогут причинить тебе зла...

Лана хотела уточнить, что лапы этих людей не показались ей очень уж жуткими, но сестра Морвин продолжала свою речь с напором хорошего трактора.

– ... после вечерней трапезы я принесу тебе поесть, а пока можешь немного отдохнуть. Ты умеешь читать, дитя?

– Умею. Мой отец – учитель в Верхнем Ручье.

– Тогда в этом шкафу ты сможешь найти что-нибудь, чтобы скоротать время. Там есть полный набор душеполезной и поучительной литературы для юных дев. Если же ты захочешь подчерпнуть что-то из более совершенного источника, то на верхней полке лежит полное собрание всех трёх священных канонов – древнего, старого и последнего, в утверждённом Верховном Синклитом переводе. Естественно в нашей библиотеке есть и тексты оригинального пятиязычия,

но мы посчитали, что помещать их в кельи рядовых послушниц необязательно. Ты ведь не владеешь древними наречиями?

Лана смущённо покачала головой – классические языки в программу деревенской школы не входили.

– К сожалению, мне нужно идти, – с явной грустью вздохнула сестра-наставница, – но я обязательно навещу тебя ближе к вечеру. И да – не думаю, что тебе стоит выходить из кельи. Наш эрмерий достаточно велик и ты легко можешь заблудиться.

Она выплыла из комнаты, захлопнув за собой тяжёлую дверь. Удар отозвался в мебели лёгкой дрожью. Похоже, столыры изготовили створку в расчёте на возможное применение желающими её взломать как минимум лёгких осадных орудий...

Петулания несколько раз прошлась по келье. Ознакомилась с хранившейся в шкафу душеполезной и назидательной литературой. Довольно бегло. Изучать её более тщательно нормальную юную девушку можно было заставить, пожалуй, разве что силой. Закончив с просмотром заглавий, она прикрыла шкаф и распахнула окно. За ними клубились густые и определённо весьма колючие розовые кусты.

За спиной распахнулась входная дверь. Странно, несмотря на свой вес и грохот при захлопывании, открывалась она почти бесшумно и Лана заметила это в основном по прокатившемуся по келье сквозняку.

– Не стоит открывать окна, тебя может продуть, – назидательно провозгласила сестра Морвин, – я принесла тебе новую одежду.

Лана внимательно посмотрела на идеально сложенные квадраты серо-голубой ткани и белого накрахмаленного полотна.

– А это обязательно?

– Мы должны вычистить и выстирать твои вещи. Тебе так много пришлось испытать... Кроме того в наших стенах принято носить традиционные одежды.

В чём-то сестра-наставница была права. Путешествия и сон в дешёвом отеле и плацкартном вагоне одежду никак не освежили.

– Напротив, через коридор, есть умывальня. В баке справа – тёплая вода, на вешалке – чистые полотенца. Там ты можешь умыться и переодеться, – заботливо уточнила наставница.

После минутных раздумий Лана последовала её совету, направившись в умывальню. Костюм анахорессы-послушницы шиком не блистал, но оказался неожиданно удобным и практичным. С удовольствием умывшись и переодевшись, она вспомнила о колючей ветке, данной ей Тео на счастье. Так уж случилось, что эта шипастая развилка осталась единственным предметом, напоминавшим ей о доме. Девушка положила её в кармашек передника, и вернулась в келью.

– Ну вот и чудно, – восхитилась сестра-наставница, – ты

выглядишь совершенно другим человеком... а что это у тебя в кармане?

Колючая рогатка не укрылась от зоркого глаза Морвин.

– Это? Просто. На память о доме. Мне его Тео дал. Сказал, что оно нечистую силу отгоняет...

– Какое дремучее невежество! – возмутилась сестра-наставница, – выбрось сейчас же.

– Но это память... пожалуйста. Я бы хотела его оставить.

– Это негигиенично. Да-да. Мы, служители клира, тоже знакомы с достижениями прогресса и науки. Давай сюда эту гадость.

– А почему я должна её отдавать?

Этот несложный вопрос вверг сестру-наставницу в кратковременную задумчивость. Но очень кратковременную.

– Это лишь деревенское суеверие. И как я уже сказала – это крайне негигиенично. Ты можешь наколоться, в ранку попадут какие-нибудь миазмы, и даже страшно подумать, как скверно всё может закончиться. Ты ведь образованная и современная девушка, и не можешь всего этого не понимать.

Лана не без сомнений протянула ветку наставнице. Показаться девушкой несовременной и необразованной ей не слишком хотелось.

– Ну, если это так надо...

– Конечно же надо, вот молодец.

Сестра брезгливо взяла развилку двумя пальцами и, дер-

жа её на отлёте, направилась к двери.

– После захода солнца я принесу ужин, – добавила она на ходу.

Петуланию эта новость не слишком обрадовала. Показать-ся несовременной, конечно, не очень хотелось, но сомнения в том, что веточку стоило отдавать, у неё оставались.

Размышления Ланы были прерваны снова распахнувшейся дверью.

– Да, сестра-наставница? – не оборачиваясь, спросила девушка.

Ответом стало лёгкое хихиканье, явно не принадлежавшее дородной сестре Морвин.

Повернувшись, Лана увидела молоденькую послушницу, свою ровесницу или даже немного помладше, тщетно пытающуюся задавить вырывающийся смех.

– Меня... и-и-к... меня зовут Хельма... я... я младшая послушница. Но меня уже скоро посвятят в старшие. То есть я хотела сказать, привет.

– Привет.

– А ты новенькая? О тебе все говорят...

– Я?

Честно говоря, Лана вряд ли могла внятно сказать, является она «новенькой» или нет, да и что она вообще здесь делает, пожалуй, тоже. Всё происходило как-то слишком быстро и непредсказуемо. Настолько, что она даже не успевала толком вмешаться в события и просто неслась по течению.

– Ага, – закивала Хельма с таким энтузиазмом, что из под кружевного чепчика выбился длинный светлый локон.

– Я... Я не знаю. Наверное. Да.

– А ещё говорят, что о тебе хлопотал сам господин Крапник, – сообщила гостя, поправляя локон, – ты его родственница?

– Не думаю... – не слишком уверенно ответила Лана, на всякий случай перебирая в уме всех известных ей дальних родственников.

– Тогда может... племянница? – лицо Хельмы слегка порозовело то ли от смущения, то ли ещё по какой причине.

– Я же сказала, что я ему не родственница! У меня всего три дядюшки, и ни одного из них не зовут Крапник, – раздражённая непонятливостью собеседницы возмутилась Лана.

Хельма нервно хихикнула, и, задавив смешок, тут же примирительно заметила.

– Извини, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть. Ты что, действительно не имеешь к нему никакого отношения?

– Я даже не знаю, кто такой этот господин Крапник, – совершенно честно призналась Лана.

– Не может быть! Господина Крапника все знают.

– Все? Я не знаю.

– Господин Крапник очень важный человек. И ужасно богатый. Очень-очень богатый. Он наш самый главный жертвователь. Говорят, что он тратит на наш эрмерий целую кучу

денег. Просто удивительно, что ты про него даже не слышала. Я думала, это он тебя сюда привёз.

– Нет. Я сама. Я просто приехала из деревни в город... В Лонч. А потом... потом всё случилось так быстро и неожиданно...

– Из деревни? – оживилась Хельма, – правда? Ты не очень похожа на крестьянку.

– Мой отец был учителем. В Верхнем Ручье. Это в горах. Трабантах.

– Ух ты! – глаза Хельмы слегка округлились, – в настоящих горах? Говорят, там очень-очень красиво. Настоящие дремучие леса, замки... а ещё народные обряды... разные.

– Ну не то, чтобы как-то особенно красиво, – Лана лишь пожала плечами, – обычно...

– А в заброшенных замках действительно есть привидения и эти... вампиры?

– Нет, конечно. Это всё сказки и суеверия. Нет там никаких упырей! – Лане почему-то вспомнился Быстрицкий замок над трактиром.

– Жалко. Я недавно читала роман. Как раз про вампиров. Сейчас он у Тины, моей подружки, но когда она дочитает, мы можем дать его тебе. Только обещай, что будешь осторожна. Если сестра-наставница увидит, она его отберёт.

– Спасибо... Да. Слушай. Сестра Морвин забрала у меня одну вещь. И я бы очень хотела её вернуть. Ты не знаешь, куда она могла её унести?

– Одну вещь? Какую?! – в больших глазах Хельмы полыхнуло любопытство, – какую вещь?

– Это... это подарок. На счастье. Из дома. Колючая веточка. От нечистой силы... То есть она, конечно, ни от какой нечистой силы не помогает... в смысле нет никакой нечистой силы, но я просто бы хотела... я бы хотела её вернуть.

– Колючая веточка? – в голосе Хельмы прозвучало лёгкое разочарование.

– Угу – кивнула Лана.

– Она могла её просто выбросить. Хотя...

– Хотя?

– Сестра Морвин слишком аккуратна. Наверное, она отнесла её в дальнее крыло, к прачечной. Чтобы сёстры-работницы выбросили.

– А её можно оттуда забрать?

Хельма задумалась.

– Смена в прачечной начинается только утром. Сейчас оттуда все уже разошлись. Да. Наверное. Твоя колючка наверняка ещё там. Если хочешь, я покажу тебе дорогу.

Уже через несколько поворотов Лана пришла к выводу, что насчёт «легко заблудиться» сестра-наставница Морвин если и преувеличивала, то совсем немного. Эрмерий представлял собой целый комплекс зданий со множеством коридоров, поворотов и переходов. Они с Хельмой несколько раз выходили во внутренний дворик и снова входили в здания. Время от времени на пути им попадались послушницы или

наставницы, но особого внимания на двух девушек никто не обращал. Выданная сестрой Морвин униформа оказалась воистину шапкой-невидимкой.

– Короче всего будет пройти через поминальный зал, – уточнила Хельма, – там у нас гробница Микалии.

Лана понимающе кивнула.

– У нас в деревне тоже была такая гробница. И ещё одна на перекрёстке по дороге в Нижний Ручей. Но та совсем простенькая, проповедник туда почти и не заходил, только прохожие свечи зажигали...

Девушки проскользнули в довольно просторный и сумрачный зал с продолговатым мраморным надгробием-кенотафом в дальнем конце. Перед надгробием горела традиционная бронзовая жаровня на трёх высоких ножках, олицетворяющая божественное пламя и одновременно напоминая о костре, где была сожжена пророчица. По сторонам от него стояло две картины в золочёных рамах.

– А зачем здесь портрет автократора Феотраста? – спросила Лана, увидев знакомую по форзацам учебников и присутственным местам бороду.

– Господин Крапник заказал нашему эрмерию пятилетнюю поминальную молитву по его покойному величеству и его бедной супруге... Я тогда как раз была в городе. Такой ужас!

– Да уж, – кивнула Лана, – вот у нас в позапрошлую осень у Козолуков в сарае перегонный куб взорвался. Нико-

го не убило, только на свинью в соседнем хлеву балка упала, да младшую девочку чуть змеевиком не зашибло. Но бардак был, жуть. А вонища... Барду по всему двору собирали. А тут – настоящий динамит. И что только он этим общественникам сделал?

– Сестра-наставница говорила, что они хотят разрушить наш мир... Бедный Феотраст. Так мучился. К счастью, автократиссу убило на месте. Я бы тоже хотела, чтобы сразу, а не три года мучиться, – вздохнула Хельма.

– Хорошо, что их поймали, – добавила Лана, – нельзя чтобы те, кто взрывает живых людей вот так просто на свободе ходили. Мало ли кого они ещё взорвать соберутся?

– Говорят, будто один из них ухитрился сбежать от казни. Я слышала, как господин Крапник это обсуждал с нашими сёстрами, – и куда только смотрит полиция. А правда, что ты была в лапах настоящих бандитов?

– Я? – Петуланция не на шутку удивилась, – бандитов? Нет, конечно. С чего ты взяла?

– А девочки говорили, что была... – с явным разочарованием вздохнула Хельма, – будто бы тебя похитили разбойники, а какие-то герои у них тебя отбили. Я бы вот хотела, чтобы герои отбили меня у бандитов... Это так романтично.

Они вышли из поминального зала и оказались на заднем дворе, усыпанном проросшим травой гравием и заставленным какими-то бочками. Садовых растений здесь уже не бы-

ло.

– Нам туда, – показала Хельма.

Шипастая веточка нашлась рядом с аккуратно сложенными вещами Петуланьи, заготовленными для стирки.

– Это она? – Хельма с явным разочарованием осмотрела подарок Тео.

– Ага. Просто напоминание о доме.

– Какое-то оно совсем неинтересное... Я бы за него так не переживала. Если попросить сестёр-садовниц они таких сколько хочешь нарежут.

– Он из дома.

– Ну ладно. Нам пора. Если мы не успеем к трапезе, сестра-наставница рассердится. А уж если сама Рейшина узнает...

– Рейшина?

– Мать-проповедница Бригида. Старшие девочки прозвали её Рейшиной. Но не вздумай сказать такое при сёстрах-наставницах.

– За кого ты меня принимаешь?

Лана спрятала памятную колючку, и они двинулись в обратный путь через задний двор в поминальный зал.

– Послушай, – после некоторой паузы спросила Хельма, – ты ведь деревенская?

– Ну, в какой-то мере...

– Я слышала про всякие народные... обряды. Ну, в середине лета. Костры там... и всё такое.

Лицо Хельмы густо налилось румянцем, а дыхание чуть участилось.

– Ну да. Хотя наш проповедник не очень это всё одобрял.

– А правда, что там... ну это... ночью после праздника... все могут делать... ну это самое...

– А вот это он совсем не одобрял.

– Прошу прощения, девочки...

Шапка невидимка не сработала. Девушки замерли на полпути через зал. Хельма сразу поникла, а Лана удивлённо обернулась. К ним подходила женщина в жреческом облачении. Её лицо скрывала ритуальная маска. Маска была грустной – для поминальной службы.

– Здравствуйте, мать, – представилась Петуланя, сделав не очень удачный книксен; она была воспитанной девушкой и уважала клириков.

Проповедница остановилась в шаге от девушек. Блестящий лик поминальной маски застыл в выражении безутешного горя, скрывая настоящее лицо священнослужительницы. Лишь в прорезях Лана видела пронзительные светло-серые глаза.

– Ты кто? Я тебя не помню.

– Петуланя. Петуланя Кеслеш. Из Верхнего Ручья.

– Никогда не слышала. Твоего имени не было в списках. Как ты сюда попала?

Маска искажала голос женщины, делая его глухим, лишая эмоций и индивидуальности. Совершающий обряды не дол-

жен напоминать молящимся о своей человеческой сущности. Даже внешностью.

– Меня привезла... Сестра Морвин. Сегодня днём.

– Зачем?

Этот вопрос поставил девушку в глубокий тупик.

– Эта та самая... про которую говорили, что отбили от бандитов, мать-проповедница, – сдавленно пискнула Хельма.

– Мать-проповедница? Рейсшина, – подумала Лана и уже с опозданием поняла, что сделала это вслух.

– Я же просила, – простонала Хельма, лицо которой приобрело отчётливое сходство с поминальной маской.

Серые глаза в прорезях повернулись в сторону не в меру разговорчивой младшей послушницы.

– Она не виновата, это я... – вступилась Лана.

– ...сама придумала? – маска сбивала с толку, но Петуланция была уверена, что мать-проповедница была само ехидство.

– Ну я... в смысле... не надо её наказывать, пожалуйста.

Серые глаза пристально глянули на Лану.

– Повернись к свету, будь добра. Да, вот так.

Жрица мягко взяла рукой в тускло-синей перчатке Лану за подбородок и чуть повернула в сторону ближайшего светильника. Девушка хотела возмутиться, но мать-проповедница уже убрала руку, и Петуланция ограничилась тем, что отступила на шаг.

– У тебя интересное лицо. Очень интересное. Говоришь, сестра Морвин?

Лана мрачно кивнула. Бесцеремонность матери Бригиды её несколько разозлила.

– Госпожа Аббе. Мать-наставница, вы zde... ой...

– А вот и она сама. Как нельзя вовремя.

Жрица повернулась к вошедшей в зал Морвин и сняла маску. К большому удивлению Ланы мать-проповедница Бригида Аббе оказалась весьма молода. И довольно красива. Если не считать бритвенной стали во взгляде и некоторого количества едва заметных веснушек на скулах и переносице.

Сестра-наставница присела в книксен. Учитывая комплекцию сестры Морвин, результат показался Лане довольно забавным. Она даже чуть заметно прыснула, но её несдержанности никто, похоже, не заметил.

– Я бы хотела знать, сестра-наставница Морвин, почему меня не оповестили о прибытии в эрмерий новой воспитанницы?

– Прошу прощения, госпожа Аббе, мы были уверены, что вы уже отбыли в город, и поэтому не сочли разумным...

– Мне пришлось немного задержаться. У этого неуклюжего механика снова отказала машина. Ехать посуху – слишком большой крюк. Не лететь же мне было планером? Они должны починить катер уже к утру.

– Приношу извинения, госпожа Аббе. Если бы я знала, то вне всяких сомнений оповестила бы вас незамедлительно...

Жрица неторопливо стянула шёлковые перчатки и бросила их на столик, рядом с маской.

– У вас есть отличная возможность это сделать, сестра Морвин. Прямо сейчас.

Сестра-наставница метнула нервный взгляд в сторону девушек.

– Дело в том, что... Что эта девушка не совсем воспитанница. Это личная просьба господина Крапника. Он хотел, чтобы мы приютили бедняжку на некоторое время. Неофициально. И... без лишней огласки.

– Вы же знаете, сестра Морвин, что я не люблю секретов. Особенно тех секретов, в которые меня не посвящают.

– Это была личная просьба господина Крапника, госпожа Аббе.

– Хорошо. Я планирую с ним в ближайшее время встретиться и, полагаю, он сможет сообщить мне подробности, – смилостивилась мать-наставница.

– С вашего позволения я бы хотела забрать девочку, – поклонилась Морвин, – уже вечер, а она ещё даже не ужинала.

– Можете забрать. И да... – мать-проповедница посмотрела на несчастную Хельму, – а вот вам, юная барышня, в ближайшие три дня предстоят внеочередные бдения по кухне. Начнёте уже завтра.

Следующие несколько дней оказались на редкость унылыми. И погодой – обложными дождями; и обстановкой –

в коридоре постоянно дежурила либо сестра Морвин, либо кто-то из её соратниц; прочих воспитанниц к Лане больше не подпускали, а все попытки её самой куда-либо выйти мягко, но решительно пресекались. От тоски она даже попробовала читать «душеполезную и поучительную литературу для юных дев». Уныния сие чтение ничуть не уменьшило.

На вопросы Петулании «а что дальше» и «зачем меня сюда привезли» сестры-наставницы отвечали довольно уклончиво. Тем не менее, ценой немалых усилий ей удалось выяснить, что в ближайшее время её должны устроить на некую работу. Где и какую – пока оставалось тайной. И Лане эта таинственность определённо не нравилась. Она даже стала потихоньку раздумывать о побеге, и как-то вечером специально присмотрела корявое деревце, росшее совсем рядом с забором. Останавливало девушку в основном то, что о лежащем за забором мире она знала даже меньше, чем о планах её неожиданных попечителей.

На третье утро сестра Морвин принесла её выстиранную и выглаженную одежду и со вздохом опустила на полочку шкафа. Лана поняла, что её ждёт очередной переезд.

Эта была первая в её жизни поездка на катере. И путешествие её скорее разочаровало. Катер оказался довольно ржавым и далеко не новым. Его самым неприличным образом болтало на мелкой волне, а паровую машину терзали приступы одышки и внезапных судорог, сопровождаемые

зловещим шипением пара в клапанах и дребезжащим лязгом скверно пригнанных механизмов. Плюс ко всему, к концу дороги накидка девушки оказалась густо усыпана хлопьями сажи и угольной пылью, а на подоле совершенно таинственным образом возникло масляное пятно... Определённым вознаграждением стала возможность полюбоваться смутно различимыми в густом тумане силуэтами города. Лане даже показалось, что она узнала не раз виденную на картинках Часовую Башню.

Катер высадил её на спускавшуюся к воде от набережной гранитную лестницу. Поднявшись наверх, девушка не без удивления разглядела в тумане знакомые очертания. Это был самый конец Клеверца, недалеко от того самого переулка, куда несколько дней назад привёз её Юл. В какой-то момент она даже подумала, что они туда и направляются, но быстро поняла свою ошибку. Её провели мимо шикарного здания с большой позолоченной кошкой на подсвеченном красными отблесками ламп фасаде, потом за угол вдоль набережной. Прямо к одной из задних дверей. Мусора под ногами здесь почти не валялось, да и крыс особо видно не было. Хотя укрытая туманом река с одной стороны, и гладкая кирпичная стена с наглухо задраенными ставнями с другой, придавали обстановке некоторую мрачность.

Один из сопровождавших открыл дверь принесённым с собой ключом. Внутри оказался длинный и совершенно пустой коридор. Лана зашагала по вытертой ковровой дорожке,

скрывавшей вымощенный керамической плиткой пол. Ковёр полностью заглушал шаги, и девушка шла почти в полной тишине. Лишь где-то вдали, за отделанными красным деревом стенами, звучала приглушённая музыка, иногда дополняемая едва слышными голосами.

Нельзя сказать, что Лана наслаждалась положением некоего ценного предмета, который постоянно куда-то несут, кому-то передают и изредка помещают в красивый и удобный сундучок. Но её умеренно богатый жизненный опыт, вкупе с рассудительностью, утверждали, что прежде чем начинать возмущаться, сопротивляться или бежать, стоит хотя бы понять, что происходит. Тем паче вид окружавших её людей наводил на мысли, что сопротивляться им, скорее всего, бесполезно, а убежать от них – затруднительно. Особенно в совершенно ей неизвестном и чужом городе. Отчего она сочла разумным пока больше смотреть и меньше действовать. В конце концов, а вдруг все эти люди хотят ей только добра? Не могут же все, абсолютно все вокруг, быть законченными негодяями и мерзавцами? В подобное она решительно не верила. Поэтому и шагала себе по ковровой дорожке в ожидании грядущих событий.

Коридор закончился площадкой с винтовой лестницей того же красного дерева и несколькими дверьми. Возле лестницы их ждала добродушная и несколько старомодная дама средних лет в бархатном платье с бахромой и оборками. Её почти безупречный образ состоятельной тётушки из провин-

ции нарушали лишь золотые передние зубы, придававшие даме несколько пиратский облик.

– А вот и вы. Я уж начала было волноваться.

Она внимательно осмотрела Лану и протянула ей чёрную шёлковую полумаску.

– Надень это, милочка. Не надо, чтобы тебя все видели.

Девушка понятия не имела, отчего её не должны видеть, но маску взяла. В этом было что-то неожиданно романтическое.

Хозяйка деловым тоном уточнила.

– Господа уже собираются. Осталось дожидаться последних. Как только все будут на месте, я проведу тебя к ним в алую комнату. А пока придётся немного подождать. Иди за мной.

Она довольно прытко для своего возраста и комплекции засемила вверх по лестнице. Лана последовала за ней.

Лестница оказалась неожиданно длинной. По подсчётам девушки в здании было не меньше шести этажей. По дороге им несколько раз встречались молодые и довольно легкомысленно одетые женщины, переговаривавшиеся о чём-то на площадках. Увидев приближавшуюся хозяйку, они замолкали и провожали Лану пристальными и любопытными взглядами.

На самом верху дама открыла небольшую крашеную дверь и провела Лану в удивительно бедную и пыльную комнату. Девушку поразили контраст между простой, но весьма солид-

ной и основательной отделкой лестницы, и затрапезностью этого места. Голые кирпичные стены были когда-то наскоро выкрашены, но уже напрочь запылились, многие стёкла потрескались и кое-где повывпадали из разохшихся переплётов. Если бы не наглухо закрытые ставни, в комнате бы зверски дуло. Всю обстановку помещения составляли выставленные рядами серые металлические койки с соломенными матрацами и два весьма пожилых и ободранных комода.

– Подождёшь здесь, – констатировала дама и вышла, закрыв за собой дверь; Лана отчётливо расслышала, как щёлкнул ключ.

А вот теперь ей стало немного не по себе. Попросту говоря – страшно. Осторожно, на цыпочках, подойдя к двери, она попробовала её открыть. Безуспешно. Осмотрев окна, Лана быстро убедилась, что ставни крепкие и тоже заперты. В дальнем углу комнаты обнаружилась ещё одна дверь. Но она была не то, что заперта, а аж заколочена крест-накрест досками.

Девушка в задумчивости прошла вдоль комнаты. При внимательном рассмотрении на кирпичных стенах обнаружились выцарапанные чем-то острым надписи. Глубокой осмысленности они не несли, и состояли в основном из слов, которые Лана почти все, конечно же, знала, но впервые наблюдала, так сказать, в записанном виде. Её удивило, что многие из них на самом деле писались не так, как ей казалось были должны, исходя из звучания. Впрочем, борейская ор-

фография всегда отличалась изрядным числом специфических особенностей, вызывавших нескрываемую ярость многих поколений школяров и столь же нескрываемую гордость тех, кому, в конце концов, удалось вызубрить все эти сводки правил и длинные таблицы исключений. Из нацарапанного на стенах выходило, что печатной частью словаря эти таблицы далеко не ограничивались...

Закончив изучение письменного наследия прежних обитателей комнаты, среди которого обнаружилось даже несколько кратеньких вирш, и пара банальных, но вполне логичных умозаключений, Лана опустила на одну из коек и задумалась.

Из этих, если честно довольно бесплодных, раздумий её вывели зазвучавшие совсем рядом голоса. Они доносились из-за заколоченной досками двери. Лана осторожно подошла ближе. Беседовали две женщины. У одной был бархатистый, довольно низкий, голос, вторая едва заметно шепелявила.

– ... этот Ягмунт совсем рехнулся.

– А с виду вполне приличный человек.

– С виду приличный, а на самом деле... ты знаешь, что он мне предлагал?

– Фто?

Дальше Лана расслышала только невнятный шёпот.

– Во даёт! А ты?

– Конечно, я его послала. А он пожаловался мадам, и меня оштрафовали на недельный заработок. Вот козлина...

Звон умывальника, плеск воды.

– Опять заходил тот малый. Ферзлер.

– Один? А то профлый раз он был с каким-то другом. Со-
всем шальным. Такое впечатление, что его полгода без жен-
щин держали... в тюрьме, небось, сидел.

– Мож просто денег не было?

– Не знаю. Но ошень мне не понравился. У меня уже чу-
тьё. От таких, как этот Ферзлеров дружок, надо держаться
подальше. Дольше проживёшь.

– А мне показался нормальным...

– Не, он того, с манерами человек. Но вот глаза. Они все-
гда выдают.

Стукнуло что-то деревянное, похоже на створку шкафчи-
ка. Снова зажурчала вода.

– А что сам Ферзлер?

– Вавный стал как генерал. Деньгами сорит. Надувает щё-
ки и намекает, что теперь с большими людьми на дружеской
ноге... придурок. Будто мы здесь больших людей сами не ви-
дели.

– Ты держись от него подальше. Высокий шкаф громче
падает. Сейчас он с большими людьми на дружеской ноге,
а завтра, глядишь, его из канала с петлём на шее вылавлива-
ют. Знаем, видели.

– Та ладно... Кому он нужен? Дай полотенце.

– Вот, возьми. Ты не говори. Видала, сколько важных гос-
под к нам сегодня понаехало?

– И что?

– Что-что, а то, что они все сидят и чего-то ждут. Не иначе замышляют... Да ещё мои знакомые в квартале говорят, что Брадобрей что-то серьёзное задумал, людей ищет. Опять же мадам не просто так лишних костоломов на каждом входе поставила. Вот помяни моё слово, неспроста это...

Снова хлопнула дверца, зазвучали удаляющиеся шаги и голоса стихли.

Лана тихо отошла к койке и повторно задумалась.

Она уже почти дозрела до идеи обыскать ящики комодов на предмет чего-нибудь дверевзламывающего, режуще-колющего или хотя бы просто тупого и тяжёлого, когда в замке щёлкнул ключ. Девушка подскочила и инстинктивно попятилась. Однако в дверях была только хозяйка.

– Пора, милочка, идём.

Лана сглотнула и ещё чуть попятилась.

– Не бойся. Они тебя не тронут. Они только хотят посмотреть. Всё будет хорошо.

У хозяйки явно был дар убеждения. Или склонность к гипнозу... Лана действительно слегка успокоилась и покорно вышла из комнаты.

Теперь они шли вниз, а потом в одну из боковых дверей. Девушку снова потряс контраст. За дверью оказался просторный холл, от обилия позолоты и хрусталя в котором резало глаз. Бархатные гардины, рельефно-тканые портьеры, расписные вазы с неизвестными Лане тропическими цвета-

ми и растениями, полированная инкрустированная мебель и мозаичные зеркально-гладкие полы с пышными коврами – ничего подобного она никогда раньше не только не видела, но даже и вообразить себе не могла. На какое-то мгновение она забыла, что должна куда-то идти и просто брела, раскрыв рот и глаза по сторонам.

– Нам нужно торопиться, – напомнила златозубая дама, мягко, но решительно, направляя девушку в правильном направлении.

Они прошли через двустворчатую лакированную дверь и оказались в просторной комнате с эркером, основной деталью обстановки которой была исполинская кровать под огромным балдахин, занимавшая чуть ли не треть помещения. Кровать, балдахин и вся отделка были различных оттенков красного цвета – от винных, до светло-алых. Вокруг кровати, на мягких плюшевых стульях расположилось несколько человек. Судя по одежде – очень важных. Когда они с хозяйкой зашли, на редкость крупный бородатый мужчина в чёрном, вышитом якорями и галуном мундире, как раз выговаривал стоявшему у стены человеку со шрамом на щеке.

– Вы должны были устранить лишних свидетелей, Асторе...

– Он привёл с собой бандитов. Дело бы закончилось резнёй...

– Это не мои проблемы.

– А объяснять шуцманам происхождение дюжины трупов?

– Вот это уж точно ваши...

Однако, заметив вошедших, они сразу оборвали перепалку. В комнате повисло напряжённое ожидание.

– Покажите нам её лицо, мадам Фаустина, – распорядился до поры молчавший толстяк в тёмном однотонном костюме и вишнёвом жилете.

Хозяйка профессионально ловким движением сняла с девушки шёлковую полумаску.

Сидевшие взволнованно загудели.

– Поразительно...

– Не уверен, что получится...

– Поверьте, немного грима...

– Они заметят...

– Никто не будет рассматривать вблизи...

– Вы были правы, господин Крапник, – огромный бородач во флотском мундире чуть поклонился толстяку, – сходство действительно велико. Ваша идея может сработать.

– Мы же вам говорили, гросс-адмирал, – заметил какой-то молодой человек из заднего ряда.

– Проверка никогда не бывает излишней, господа... никогда.

Лана тем временем внимательно разглядывала сидевших. Толстяк впереди слева – видимо тот самый господин Крапник. Русобородый великан в чёрном мундире – какой-то

важный моряк. Правее благообразный господин с огромными седеющими бакенбардами и пышным шёлковым платком спадающим на грудь. Добродушно улыбается. У него ярко-синие глаза и лучистые морщинки вокруг. Кажется, она его уже видела раньше, на старом маяке, но может это был и не он. Правее всех в первом ряду – старик похожий на грифа из учебника биологии. Худой, костлявый, почти лысый. Нос с горбинкой и монокль. Тощая морщинистая шея торчит из кружевного белого воротника, ещё больше усиливая сходство со стервятником. Этого она точно раньше не видела – такого не забудешь.

А вот молодого человека с мрачным взглядом и шрамом на щеке она как раз запомнила. С ним она впервые столкнулась ещё в трактире у Быстрицкого замка. Только вот какое отношение все эти важные господа могут иметь к заброшенному замку? И что им всем от неё надо?

– Я так понимаю, господин Тунниц, вопрос можно считать решённым? – спросил толстяк Крапник, вытирая платком уплывающие за воротник щёки.

– Что скажут остальные? – моряк повернулся к синеглазому и грифу.

– Чудная девочка, – проворковал, улыбаясь, обладатель бакенбард, – очень, очень похожа.

Гриф пожевал сухими губами и почесал костлявым пальцем крючковатый нос.

– Господин Криепс? – настороженно посмотрел на него

Крапник, платок замер в его мясистых пальцах.

– Я думаю, что если её никто не будет специально рассматривать... – проскрипел гриф.

– То есть вы согласны?

Старик отрывисто кивнул, сверкнув моноклем.

– Э-э-э... Я могу спросить? – подала голос Лана.

Собрание заметно оживилось. Девушка вдруг почувствовала себя медведем на ярмарке. Ещё немного и они захотят, чтобы она сплясала...

– Не бойся, – шепнула ей на ухо хозяйка, – ничего они тебе не сделают. Держись смелее.

– Да, дитя моё? – спросил синеглазый с бакенбардами, – меня зовут Тассельш, князь Тассельш. Из тех самых Тассельшей.

В памяти девушки промелькнули какие-то смутные воспоминания из школьного курса истории, но она была слишком взволнована, чтобы сосредоточиться.

– Так что ты хотела спросить?

– Я... Я хотела бы знать... зачем... то есть для чего... – в горле пересохло и слова цеплялись друг за друга.

– Не бойся, – князь не переставал улыбаться, – ты же, как говорят, хотела устроиться в городе.

Петулания молча кивнула.

– У тебя прекрасная возможность сделать карьеру. Просто отличная... Ты хочешь быть актрисой?

– Актрисой? Это как в театре?

– Ну, примерно. Ты когда-нибудь была в театре? Или опере?

Лана отрицательно помотала головой.

– Это определённо надо исправить... Но чуть позже.

– Вы хотите устроить меня работать актрисой? – набралась девушка храбрости.

– В какой-то степени, – вмешался моряк, – не сразу, конечно, сначала тебе будет нужно слегка... хм, потренироваться.

– Порепетировать, порепетировать, гросс-адмирал, – вмешался князь.

– Ну да, именно это я и имел в виду.

– Не обращайтесь внимания, наш суровый вояка привык говорить по-простому, – князь, глядя на неё, не переставал улыбаться, что начинало не на шутку смущать Лану.

– Так, не будем больше попусту терять время, – адмирал прокашлялся, – переходим к делу. Асторе!

– Да, ваше превосходительство, – отозвался человек со шрамом.

– Съездите на Коронный остров, покрутитесь там немного, чтобы они не забывали о вашем существовании, и потом сразу же направляйтесь в Быстрицы. Если они будут возражать против вашего отъезда – обратитесь к Криепсу, он договорится. Необходимые бумаги возьмёте у князя. Деньги на расходы у Крапника. В условленном месте на границе вас встретят.

– Будет исполнено, гросс-адмирал.

– И да, девушку надо будет отвезти в Книпгоф...

– Я этим займусь, – князь Тассельш даже привстал со стула.

Хозяйка за спиной Ланы нервно засопела, но ничего не сказала.

– Отлично, – адмирал выпрямился во весь свой почти саженный рост, – по местам и за дело, господа, за дело.

Алая комната моментально наполнилась движением. Все сразу начали вставать и расходиться, толкаясь и переговариваясь.

Князь подошёл к ним ближе.

– Госпожа Фаустина, вы мне не поможете?

– Если вы так настаиваете, князь, – Лане послышалось едва заметное раздражение в её голосе.

– Нам может понадобится комната... Укромная. И тихая. Юной барышне нужно успокоить нервы перед поездкой. Правда, милая?

Честно говоря, Лане действительно не помешало бы немного собраться с мыслями и успокоиться. А ещё у неё жутко пересохло в горле.

– У вас есть что-нибудь попить? – спросила она.

– Конечно, у неё есть, правда, госпожа Фаустина?

Хозяйка молча кивнула.

Князь взял Лану под локоть и провёл в угол к небольшой ширме.

– Успокойтесь, милая, всё будет хорошо. Вы мне верите?

– Вот, – появилась Фаустина с подносом.

Князь открыл хрустальный графин, понюхал и возмутился.

– Это же вода. За кого вы меня принимаете?

– У девочки просто в горле пересохло...

– Это ещё не повод подавать воду.

Тассельш открыл какую-то дверцу в стене, достал оттуда бутылку и налил в хрустальный бокал светло-золотистую жидкость.

– Пейте, милая.

Лана, недолго думая, одним махом выпила бокал. Со-держимое было кисло-сладким, с покалывающими язык пузырьками. Хотя жажду и утоляло.

От неожиданности девушка поперхнулась и закашлялась. Князь рассмеялся.

– Лучше бы воды, – выдохнула Лана, справившись с кашлем.

– Просто это так не пьют... Хотите ещё?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Зря, очень зря. Прекрасный напиток.

Князь налил себе в другой бокал и отпил маленький глоток.

– Если хотите, я сделаю вам из него ванну... Обещаю, вам должно понравиться.

– Может быть как-нибудь потом. У нас в деревне была

только баня...

– Это тоже прекрасный вариант. На нижнем этаже здесь есть отличная купальня с парной. Не хотите освежиться перед дорогой?

– Нет... пожалуй...

Лану охватило странное ощущение. Голова стала какой-то чужой и странно лёгкой. А ноги – ватными. Она сделала несколько шагов и покачнулась.

– Вам определённо нужно отдохнуть, – князь подхватил девушку за талию.

– Спасибо... Вы так... любезны. Со мной всё... всё в порядке.

– Нет, нет, вы так... так слабы. Так беззащитны...

Его улыбающееся синеглазое лицо оказалось совсем рядом, девушка ощутила на щеке пушистые бакенбарды. А мягкие княжеские руки уже покинули талию и начали активное путешествие вверх и вниз...

– Вам нужно отдохнуть... расслабиться. Здесь как раз была постель...

Лана попробовала отогнать наполнявший голову дурман. Князь умело и решительно увлекал её в направлении огромной багровой кровати. Девушка ощутила как начинают растёгиваться пуговицы на её блузе а потом странное ощущение в правой кисти... И то как вдруг исчезли княжеские руки.

– Мой нос!!! Проклятье, мой нос! О боже... боже... это же

кровь. Она сломала мне нос!

Лана осталась стоять посреди комнаты одна, слегка покачиваясь. На пороге возникли уже знакомые лица. Криепс, опершись на трость, разразился сухим клёкотом, по-видимому, заменявшим ему смех. Толстяк Крапник багровел и чуть заметно кривил губы, но сдерживался. Усы адмирала Тунница воинственно топорщились.

– Ягмунт! Вы опять за своё, старый развратник! Вам что, других мало?

– Эта... эта... Она сломала мне нос!

– Бросьте, князь. Ничего с вашим носом не случится. Госпожа Фаустина, позовите врача. Пусть окажет первую помощь... кхм... раненому.

Криепс снова заклекотал. Тассельш всхлипнул, развозя рукой кровь по лицу и бакенбардам.

– Она же просто дикарка! Она меня кулаком ударила. Кулаком!

– Сами виноваты, князь, надо было сперва обучить её искусству аристократической пощёчины, а потом уже начинать лапать...

– Вы не на палубе, адмирал, потрудитесь изъясняться прилично!

– Вы просто ещё не слышали, как я изъясняюсь на палубе, князь, – ухмыльнулся моряк.

В комнате бесшумно возник похожий на тень худощавый человек с докторским чемоданчиком. Шедшая за ним Фау-

стина едва слышно шепнула на ухо Лане.

– Молодчина.

– Мой нос, – причитал сидевший на полу Тассельш, – вы должны спасти мой нос, вы же врач. Если он останется кривым, я вас сгною! Слышите! Сгною!! Всех сгною, мерзавцы! Всех до единого...

– Так, балаган окончен, – рыкнул адмирал в сторону постепенно скапливавшейся в дверях толпы, – ничего не случилось, здесь ровным счётом ничего не случилось, а у всех вас, господа, наверняка есть дела, и наверняка срочные.

Он повернулся к Фаустине и добавил.

– А девушку я сам отвезу.

Всё, что блесит

И правил в то время в племени тлеван князь именем Крути.

И был он могуч и славен и во всяком деле удачлив. Но прослышал однажды, что колдуны чужеземные пророчат ему скорый конец и разгневался. И пошли отроки княжеские и привели троих колдунов. Первого сунгрина, второго тиудина, и третьего валдина.

И спросил князь у сунгрина, «в чём смерть моя»?

Бросил тот жеребья деревянные с резами, посмотрел и говорит «В собаке твоей пёстрой, смерть твоя, княже».

– Отроки, – крикнул тогда князь, – убейте собаку.

Убили собаку пёструю дружинники.

– Ну, в чём теперь смерть моя, колдун? Соврал ты. Повесить его на дереве ясеневом.

И спросил князь у тиудина, «в чём смерть моя»?

Зажёг тиудин костёр, разогрел бубен, и стал плясать, пока не умаялся. И молвил «В коне твоём сивом, смерть твоя, княже».

– Отроки, убейте коня.

Вдохнули отроки, но исполнили.

– Ну, в чём теперь смерть моя, кудесник? Соврал ты. Повесить его на берёзе.

И спросил князь у валдина, «в чём смерть моя»?

Наполнил валдин чашу-лбицу и стал из неё плескать пиво, молоко и мёд. На все четыре

*стороны плеснул и говорит «В жене твоей
ясноглазой, смерть твоя, княже».*

– Отроки, убейте жену мою!

*Испугались отроки, но не посмели князя
ослушаться.*

*– Ну, в чём теперь смерть моя, волхв? Соврал
ты. Повесить его на дубе.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.